

**Владимир
Гурвич**

БОДХИСАТТВА

Литературный критик в поиске славы пишет книгу о скандально известном писателе Марке Шнейдере. После презентации книги ему приходит приглашение от самого Шнейдера провести отпуск в его загородном доме на побережье. Главный герой и предположить не мог, что он окажется в поместье современного русского Гэтсби, и что этот визит станет отправной точкой для головокружительных перемен в его судьбе.

Владимир Гурвич

БОДХИСАТТВА

Если бы люди могли
настолько же, как они,
видно,

Чувствуют бремя, их
дух давящее гнетом
тяжелым,

Также сознать и
причины его...

Жизни бы так не
вели, как обычно ведут ее
нынче,

Не сознавая, чего
они сами хотят, постоянно

К мест перемене
стремясь, чтобы
избавиться от этого гнета.

Часто палаты свои
покидает, кому опостылел

Собственный дом, но
туда возвращается столь
внезапно,

Не находя вне его
никакого себе облегченья;

Вот он своих
рысаков сломя голову
гонит в имение...

Но начинает зевать,
и порога еще не
коснувшись;

Иль погружается в
сон тяжелый, забыться
желая,

Или же в город
спешит поскорее опять
возвратиться.

Так-то вот каждый
бежит от себя и, понятно,
не может

Прочь убежать,
поневоле с собой остается
в досаде,

Ибо причины своей
болезни недужный не
знает,

А понимай он ее, он
бы, все остальное оставив,

Прежде природу
вещей стараясь
постигнуть.

Лукреций

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ну вот, кажется, все готово: стулья расставлены, стол президиума накрыт зеленой скатертью, на которой кроме бутылок с минеральной водой расцвел пышный букет цветов. И самое главное — рядом на тумбочке высится стопка книг — плод его двухлетней напряженной работы. Хотя если быть точным, то это скорее итог всей его жизни. По крайней мере, так он рассматривает свой труд. Хотя вряд ли современники и потомки оценят его столь же высоко, как это делает он. Но это уже их дело. У него же по этому поводу есть собственное суждение.

Нигде по близости зеркала не было, и Герману пришлось только мысленно оглядеть себя; он одернул пиджак, пригладил тщательно уложенные с помощью лака волосы, поправил галстук. Он знал, что в этом новом, специально сшитом к этому торжественному событию костюме, выйдет весьма элегантно. Что ж, остается только дожидаться приглашенных и просто любопытствующих, прослышавших об очередном проводимом в Доме журналистов мероприятии, и колесо его новой

жизни закрутится. Он вспомнил, во сколько обошлось ему это удовольствие устроить свою презентацию в таком престижном месте и не смог подавить вздоха. Окупятся ли его затраты? Он, как и всякий любой, кто идет на них, конечно, надеется именно на такой результат. Но его опыт советует ему быть в этом вопросе не слишком уж оптимистичным.

Первым явился Филонов. И это было хорошим знаком. То, что Филонов вообще согласился вести его пресс-конференцию, уже было большой удачей, на которую Герман не слишком надеялся. Это значит, что его начали воспринимать серьезно. Хотя Филонов всего на 5 лет старше Германа, но его имя уже широко известно в научных кругах, а книги издаются в разных странах. И если сегодня все пройдет хорошо, то и для него кончится долгий период неопределенности, безвестности, и он войдет полноправным членом в семью ученых.

Герман поспешил на встречу Филонову и первым протянул ему руку. И пока они обменивались дежурными приветствиями, он думал о том, какое действительное мнение об его книге сложилось у его собеседника. Филонов человек хитрый и не всегда просто понять, что он думает на самом деле. Так ли высоко он оценивает его творение, как недавно говорил ему, Герману. Или с

его стороны это какая-то тонкая игра? Ведь о человеке, творчеству которого он посвятил свою работу, ходят самые противоречивые слухи и суждения, а литературоведы не устают спорить друг с другом об его произведениях. Сам Филонов не раз высказывался по этому поводу, написал кажется четыре или пять статей, хотя пока ничего фундаментального не создал. Да и никто подобного еще не сделал, его, Германа, творение — первая по-настоящему большая и серьезная работа о Марке Шнейдере — писателе, являющемся одной из самых загадочных и спорных фигур литературы конца двадцатого столетия.

— Приглашенные должны вот-вот прийти, — сказал Герман.

— Не волнуйтесь, — улыбнулся Филонов и покровительственно дотронулся до плеча Германа, — все обязательно придут. Вы написали хорошую книгу и интерес к ней большой. Скажу вам честно, я сам много думал о том, чтобы написать монографию о Марке Шнейдере, но пока так к ней по-настоящему и не подступился. набросков всяких сделал уйму, но вот чтобы сесть и все обобщить — пока не получается. Столько разных дел и обязанностей... А вот вам удалось. Вы молодец, хотя я и не полностью согласен со всеми вашими концепциями.

— Конечно, — поспешно проговорил

Герман, — о Марке Шнейдере будут еще вестись долгие споры.

— В этом можно несколько не сомневаться, споров будет еще много, — снисходительно улыбнулся Филонов. — Хватит их еще на сотню таких книг. Но вы первый, кто осмелился сказать свое веское слово. А это всегда ценится.

Герман поймал себя на мысли, что как всегда обаяние Филонова обволакивает его словно туман, заставляет верить каждому его слову. И в тоже время он знал, что должен быть осторожным, не поддаваться на его чары, которые на самом деле могут прикрывать совсем иные чувства и мысли.

Небольшой зал заполнился на удивление быстро. Еще три минуты назад почти никого не было, а теперь уже нельзя было отыскать свободного места. Все чинно сидели на стульях в ожидании начала представления.

Целый день Герман твердил себе, что для беспокойства нет никаких причин, что если даже будут задавать каверзные вопросы, то он сможет найти на них достойные ответы. И все же сейчас он ощущал такое волнение, что у него даже слегка подрагивали коленки.

— Полагаю, что можно начинать, — хорошо поставленным голосом словно специально созданным природой для проведения подобных мероприятий произнес Филонов. — Сегодня мне

выпала большая и приятная честь представить только что вышедшую книгу моего молодого коллеги Германа Фалина «Гармония дисгармонии». Думаю, что вы все знаете, что она посвящена творчеству писателя Марка Исаковича Шнейдера. Сейчас уже мало, кто сомневается, что это один из самых значительных литераторов второй половины двадцатого века, чьи произведения получили признание во всем мире. Но одновременно Марк Шнейдер один из самых спорных и я бы сказал малопонятных авторов, не случайно, что многие его называют литературным Сальвадором Дали. Великого испанца он напоминает тем, что, используя в основном реалистический метод письма, создает на своих страницах очень странные и малопохожие на нашу повседневную реальность картины. Эта тенденция проявилась у него с самых первых его военных повестей; если советская литература воспевала подвиг нашего солдата, рисовала ужасы войны, то Марк Шнейдер даже самые ее героические страницы описывал как беспробудный сон разума. Я помню то шоковое состояние, которое я испытал, когда мне впервые попался замусоленный сборник повестей Марка Шнейдера. Мне стало страшно оттого, что действующие в них герои оказываются как бы запрограммированными на ведение военных действий в не зависимости от собственных желаний

и намерений, что людьми движет вовсе не стремление защищать свою страну, а желание убивать, которое возрастает по мере того, как увеличивается у солдата его личный счет убитых. Война, говорит нам автор, — это безличностная ненависть, когда в качестве ненавидимого объекта человек воспринимает целый народ, незнакомых людей, которые не сделали ему ничего дурного. Марк Шнейдер убедительно показал, как люди, стреляя в друг друга, на самом деле убивают самих себя. И это было для меня в то время потрясением, это было открытием! Не случайно, что эти повести были изданы всего один раз, а потом на многие годы оказались под запретом. Затем появился роман «Творец одиночества», ставший эпохальным для современной литературы и я бы еще добавил и для современного сознания. Хотя, по моему глубокому убеждению, — эта книга остается все еще недооцененной, я бы даже сказал непрочитанной. В чем ее пафос? Человек задуман природой в качестве одинокого создания, только в самом себе он может найти смысл своего существования, а строительство своей личности — это единственный подлинный вид творчества. Но одиночество требует от человека огромного труда, чтобы его облегчить или чтобы вообще избавиться от него, он становится коллективистом. Но любой вид коллективизма — это умаление человека, а

отказ от самотворчества, дорога в никуда. Все несчастья человечества происходят от коллективистских устремлений и от коллективного бессознательного. Ибо, как утверждает писатель, коллективный разум не способен к настоящему развитию, развитие всегда лично. Но Марк Шрейдер вовсе не воспевает ничем не ограниченный индивидуализм, он против сверхчеловека Ницше, он за человека гармонично развитого, преодолевшего земное тяготение своего эгоизма. И именно из одиночества таких людей и возникает подлинный коллективизм, вернее это уже не коллективизм, а нечто совсем другое — сообщество свободных индивидуумов.

Он решил воспользоваться моей презентацией дабы изложить тезисы своей ненаписанной книги, думал Герман, слушая выступление Филонова. Он не может не понимать, что его слова весьма существенно расходятся с содержанием моей работы. Ведь я во многом по иному интерпретирую этот роман, его анализу у меня посвящена целая глава. И он, конечно, не может не помнить ее. Но тогда его нынешние слова означают, что это сознательный выпад против меня, и Филонов вовсе не собирается превращаться в моего благодетеля, более того, очень вероятно, что отныне он окончательно переходит в стан моих самых непримиримых противников. И не рядовым его

членом, а их предводителем.

Филонов продолжал вещать, и каждое его слово словно взрывной патрон все сильнее подрывало спокойствие Германа. Теперь он уже почти не сомневался, что это брошенный ему вызов обдуман заранее. И именно для того чтобы его сделать, Филонов и принял предложение выступить ведущим на презентации книги Германа. Тем более лучшего случая для этой цели найти просто невозможно.

— А теперь в заключении моего выступления позвольте несколько слов посвятить самому виновнику сегодняшнего торжества. Вовсе не из желания ему польстить должен заметить, что, на мой взгляд, книга Германа Фалина — серьезное и интересное исследование творчества Марка Шнейдера. Не каждый молодой автор отважится взяться за такую тему, ведь Марк Шнейдер — не просто писатель, это огромный и еще совсем малоисследованный мир. По сути дела это terra incognita, которую еще предстоит открыть. И вот появляется человек, так сказать новый литературный Колумб, который осмеливается отправиться в одиночное плавание к новому континенту. Конечно, такое непростое путешествие не может пройти целиком гладко, в книге немало спорного, но ведь речь в данном случае идет не о неоспоримой геометрической аксиоме, а о самом

настоящем географическом открытии. И поэтому будем благодарны нашему «географу» хотя бы уже за то, что он приблизил к нам этот новый и очень сложный в геологическом плане материк.

Первоначально Герман намеревался прочитать серьезный доклад о творчестве Марка Шнейдера минут этак на 30–40. Но затем отказался от своего намерения, разумно рассудив, что слушатели вряд ли выдержат столь длительное испытание. Поэтому он заранее набросал несколько тезисов на десятиминутную речь. Но теперь, слушая разглагольствования Филонова, решил, что должен непременно как-то ответить ему. Конечно, он не собирается вступать с ним в прямой спор — с его стороны это было бы крайне неосторожно, а на Филонова он еще рассчитывает в своих планах. И у него нет желания, чтобы присутствующие поняли, что между ними происходит полемика. Но и оставить полностью без внимания его выпады он тоже не может. Поэтому его речь должна быть осторожной и взвешенной и в тоже время ему надо публично продемонстрировать свое несогласие с Филоновым.

— Прежде всего, хочу поблагодарить всех, кто пришел на презентацию моей книги. И в первую очередь самая моя горячая благодарность уважаемому Александру Борисовичу за то, что он взял на себя нелегкий труд вести эту

пресс-конференцию. Наверное, всех интересует вопрос, почему для своего исследования я избрал творчество Марка Шнейдера? Есть писатели, которые наиболее полно отражают дух эпохи. Я считаю, что таким автором в высшей мере и является Марк Шнейдер. В чем на мой взгляд состоит это отражение? Может быть, мое мнение покажется немного парадоксальным, но мне представляется, что главная ценность его творчества состоит в том, что он, следуя за своим веком, также не смог дать ответы на те фундаментальные вопросы, которое поставило перед нами время.

Говоря иными словами, современное человечество все еще не способно ответить на вызов эпохи и лучшее, что оно может сделать в этой ситуации, — это дать себе отчет в создавшемся положении, осознать собственное бессилие. Именно эту ситуацию и пытался показать Марк Шнейдер. Страницы его книг отражают растерянность и отчаяние людей, оказавшихся затерянными в тупиках нашей цивилизации, их полное непонимание самих себя.

Наиболее характерным в этом плане стал роман «Творец одиночества». Человек от рождения проклят одиночеством и чтобы спасти себя он вынужден совершенствоваться в искусстве быть одному. Но на самом деле это не его выбор, вся его

натура стремится к соборной общности. Уходя все глубже в бездонный океан своего одиночества, человек на самом деле все же надеется когда-нибудь выйти из этого состояния, ибо он понимает, что подлинное единение возможно только тогда, когда люди преодолеют свой эгоизм, который сильнее любой каменной стены отделяет нас друг от друга. Одиночество же позволяет справиться с ним, ибо подлинно одинокий человек не опутан с ног до головы миром вещей и желаний, он разрывает с ними душасщие его связи. Мы одни, чтобы быть вместе, так говорит нам большой мастер.

К огорчению Германа пресс-конференция протекала довольно вяло, ему задали всего несколько вопросов. Причем, половину из них весьма условно можно было отнести к теме, ради которой все и собрались здесь. Впрочем, утешал он себя, что эти люди понимают в творчестве Марка Шнейдера, для них он скорей напоминает некое экзотическое растение, привлекающее всеобщее внимание своей необычностью и редкостью; даже он, проведший наедине с его книгами сотни часов, и то не считают, что по-настоящему постиг загадку его творчества. И все же он гордится тем, что именно он — обладатель самого глубокого понимания его произведений, что именно он больше всех в мире знает о них.

Герман стал раздавать свои книги, подписывая их тем, кто просил об этом. На этом официальная часть презентации завершилась, официант распахнул дверь в соседний зал, где стоял накрытый стол. Все дружно, толкая друг друга, потянулись туда. Через минуту все уже облепили угощение, из бутылок в бокалы полились вино и напитки, а кушанья с невероятной быстротой стали испаряться с тарелок.

Герман разочарованно смотрел на жадно едящую и обильно пьющую публику. И ради чего он столько времени напряженно работал, ради того, чтобы два десятка человек сумели за его счет набить себе желудки, позабыв о том, с какой целью они сюда явились, а затем преспокойно убрались бы восвояси, радуясь тому, что сумели бесплатно и вкусно поесть.

— Могу ли я говорить с вами, мистер Фалин? — вдруг услышал он рядом с собой чей-то голос. Перед Германом с бокалом в руке стоял высокий человек в дорогом костюме. Его он заметил еще на пресс-конференции, кажется, он был единственный, кто что-то все время записывал в блокнот красивой с золотым пером ручкой. Тогда Герману показалось, что это человек — иностранец, предположительно американец. Теперь же неправильный, с сильным акцентом русский язык полностью подтверждал догадку Германа.

— Мне трудно говорить по-русски, но я все же попробую, — проговорил иностранец.

— Мы можем говорить по-английски, — сказал Герман.

— О это замечательно! — пришел почти в детский восторг иностранец. — Позвольте представиться: Кристофер Хейг, один из владельцев нью-йоркского издательства «Братья Хейг». Как вы можете легко догадаться, я один из этих самых братьев. Младший из них. Вот моя визитная карточка.

Теперь Герман вспомнил, что слышал об этом издательстве, кажется, ему о нем говорил Филонов, оно издало одну из его книг. Невольно Герман почувствовал, как мгновенно напряглось все его тело.

— Сейчас в Америки самый настоящий бум на книги вашего Марка Шнейдера, — продолжал американец. — И когда я узнал о том, что здесь в Москве выходит о нем ваша книга, то я заинтересовался. Мне удалось достать один экземпляр, так что я знаком с ее содержанием. Вы удивлены, — засмеялся Хейг, заметив выражение лица Германа. — Но у меня тут есть свои маленькие возможности. Кроме того, со мной здесь работают замечательные переводчики, и они перевели вашу книгу за несколько дней. Приходится быть оперативным. Конкуренция.

Герман почувствовал, как у него учащенно забилось сердце. Неужели он все же не зря провел сегодняшнюю презентацию, не зря затратил столько на ее средств, и удача все-таки постучалась в его дверь.

— Меня заинтересовала ваша работа. Честно вам скажу, что я не все понял в ней. Но это и не важно, для того, чтобы все понимать, я держу специальных сотрудников, — в очередной раз широко улыбнулся Хейг. — Однако у меня создалось впечатление, что ваша книга может оказаться весьма своевременной. В Штатах сейчас немало людей, которые хотят знать как можно больше о мистере Шнейдере. Если вы не возражаете, оставьте мне ваш телефон, и тогда через несколько дней мы сможем продолжить нашу беседу.

— Конечно, с большим удовольствием, — поспешно проговорил Герман, извлекая из кармана свою визитку. Краем глазом он увидел Филонова; тот внимательно наблюдал за ними. Их взгляды встретились, Филонов улыбнулся Герману и приветливо поднял руку. И все же Герман успел заметить в глазах Филонова какое-то странное, идущее в разрез с общим его видом выражение.

Герман снова остался один. Вокруг него все так же пили и ели, он прислушивался к разговорам, которые по мере того, как в бутылках уменьшалось

их содержимое, становились все громче. Он еще питал слабую надежду, что хоть кто-то еще помнит об его монографии, но уже никто не вспоминал ни о нем самом, ни о его книге, каждый был занят исключительно собой и теми кушаньями, которые поглощал. Герман понимал, что так в сущности и должно было быть, иного ждать просто наивно. И все же он чувствовал обиду, неужели здесь нет никого, кого хоть немного интересуется его труд, творчество Марка Шнейдера. Неужели при виде обильной и дармовой еды у людей тут же пропадают все другие мысли и интересы. И в это мгновение он увидел, как к нему направляется какой-то незнакомый ему человек.

— Дорогой Герман Эдуардович, прошу великодушно прощения, но если у вас есть свободная минутка, то был бы несказанно счастлив перекинуться с вами хотя бы одним словцом, — с легким смешком обратился к нему он.

Человек выглядел довольно странно; прежде всего, он был какого-то неопределенного возраста, его внешность позволяла ему одновременно быть как ровесником Германа, так и старше его лет на двадцать. На нем был отлично сшитый темно-синий костюм, но сидел он так словно его никогда не гладили; и брюки и пиджак все были в складках и вмятинах.

— Я рад с вами поговорить, — сказал

осторожно Герман, не испытывая большой радости от приобретения такого собеседника.

— Вы, естественно, никогда обо мне не слышали, хотя моя фамилия вам хорошо известна, так как моя фамилия Иванов. А зовут меня Никита Петрович. Вам, конечно, хочется знать, чем я занимаюсь. С удовольствием отвечу на ваш невысказанный вопрос. Я вкладываю деньги в разные проекты и в разных людей. У меня очень обширный круг интересов.

— Я рад за вас. — Почему-то этот человек не понравился Герману с первого взгляда, его манеры и поведение вызвали у него какую-то настороженность и неприязнь.

— Я очень хорошо вас понимаю и одобряю, вы не можете доверять незнакомому человеку с первой минуты своего знакомства с ним, — словно прочитал Иванов мысли Германа. — И совершенно правильно поступаете, я сам никогда не полагаюсь на чужие слова. Пока все досконально не проверю, не разведу никогда не приступаю к делу. Может, в этом и кроется причина моих успехов. Как вы полагаете?

— Мне трудно что-то сказать. В любом случае у меня нет никаких пока оснований вам не доверять.

— Да нет, я же вижу. Хочу вас предупредить сразу, у моего организма есть одна особенность, я

очень хорошо чувствую состояние собеседника.

— Ну если вы на этом настаиваете. — Внезапно Герман ощутил прилив раздражения. — И все же я пока не понимаю, чем могу быть вам полезен?

— А почему вы думаете, что вы мне можете быть полезны. Может быть, это я хочу быть вам полезным.

— Чем же?

— Ну, к примеру, вложу в вас часть своего капитала. Вы умны, молоды, талантливы.

— Но я не совсем понимаю, каким образом я могу вам принести прибыль. То, чем я занимаюсь, доходным делом не назовешь.

— Но почему вы считаете, что в данном случае меня интересует прибыль? Или вы не допускаете, что у меня могут быть и другие соображения?

— А можно узнать, какие?

— Разные. Только прошу вас не считать, что я от вас что-то скрываю, но просто приступая к очередному делу, никогда не знаешь, что из него может вылупиться.

— В этом я с вами согласен.

— Вот видите, — обрадовался Иванов, — мы уже нашли с вами первую точку соприкосновения. Не считите за назойливость, но очень бы желал познакомиться с вами поближе. Начиная новое

дело, всегда хочется свести риск к минимуму. Не осмеливаюсь просить вас о близком знакомстве, но все же хотелось бы немного с вами пообщаться. Знаете, непринужденная беседа иногда стоит больше, чем любые деловые переговоры или заочный сбор сведений. А как еще можно узнать человека, ухватить самую его суть.

— Пожалуйста, я готов в любое удобное для вас время. — Второй раз за вечер Герман достал из кармана визитную карточку. — Тут все мои координаты, звоните, и мы обо всем договоримся.

— Премного вам благодарен, — проговорил Иванов, пряча в карман визитку. — А вот вам моя визиточка, тоже на всякий случай. Вдруг попадетесь она как-нибудь вам на глаза, и вы вспомните о нашем приятном разговоре. Значит, до встречи.

Иванов отошел от Германа, и почти сразу же началось всеобщее прощание. Герман пожимал руки людей, благодаривших его за устроенный им прием, а затем они поспешно исчезали в проеме дверей.

Домой на окраину Москвы Германа сначала доставило метро, затем еще пятнадцать минут неторопливо, спотыкаясь на бесчисленных колдобинах, вез автобус. Герман вошел в свою однокомнатную небольшую квартирку, снял пиджак, сел на диван и закрыл глаза. Он пытался разобраться, что же произошло сегодня вечером,

какие результаты принес ему этот можно уже сказать прошедший день? Его ожидания сбылись и не сбылись, все же два результативных контакта у него произошло. Правда разговор с этим Ивановым ему не слишком понравился и не слишком обнадежил; вряд ли он будет иметь какое-нибудь полезное продолжение. А вот американец видно сразу человек деловой и, кажется, заинтересовался им всерьез. И все же он надеялся на большее, он не учел того факта, что людей, кроме их самих ничего больше всерьез не интересуется. Что им до Марка Шнейдера и уж тем более, какое им дело до книги о нем какого-то там Германа Фалина. Но, так или иначе, он написал и издал свой труд, а это было очень нелегкой задачей. А потому у него еще не погибла надежда, что все сделанное им не напрасно и рано или поздно принесет свои плоды. Остается только одно — терпеливо ждать, когда они созреют на посаженном им сегодня дереве успеха.

* * *

На следующий день Герман решил поехать к Эльвире, своей бывшей жене. Официальный предлог для поездки — он должен подарить ей экземпляр своей книги. Тем более они же коллеги, хотя она давно забросила свою специальность. На самом же деле он понимал, что едет к ней вовсе не

за этим, он едет, чтобы продемонстрировать, что и без нее он способен на многое, и что он вовсе не неудачник, в чем обвинила она его, когда уходила.

До сих пор, когда он вспоминал тот вечер, кровь начинала закипать в жилах, несмотря на то, что с тех пор минуло почти два года. А он по-прежнему помнит все, что тогда происходило, чуть ли не по минутам и с такими подробностями будто все это случилось вчера.

Эльвира нередко приходила домой поздно, но в тот раз все сроки ее возвращения истекли, а ее все не было. Обычно она говорила в таких случаях, что задерживается у одной из своих многочисленных подруг. Он старался не думать о том, правда ли это или нет. И уж тем более не предпринимал никаких шагов, дабы проверить истинность ее слов. Но текли минуты и часы, а она все не появлялась, и он терялся в догадках, где она может так сильно задержаться. Внезапно входная дверь с шумом распахнулась, он услышал быстрый цокот ее каблуков, и через секунду она показалась сама. Эльвира без сил упала в кресло и несколько мгновений сидела неподвижно, словно отдыхая после долгого пути или тяжелой работы.

— Чертовски устала я, Герман, — сказала она. — Ничего не хочется делать, ни о чем говорить. Завалилась бы просто спать. Но придется, откладывать больше нельзя.

— Тебе опять понадобились деньги? — спросил он.

— Да что ты, Герман, какие деньги, их у меня сколько угодно. Могу тебе дать.

— Это что-то новое, ты нашла клад? — Он еще не чувствовал настоящей тревоги, их разговор пока протекал в обычном русле, по крайней мере в последнее время они часто пререкались подобным образом. И сейчас он думал, что она ведет их беседу в своей привычной манере.

— В каком-то смысле нашла. — Эльвира закурила длинную и тонкую сигарету. — Герман, отнесись к моим словам серьезно и спокойно, это не шутка. Я ухожу от тебя.

Он сразу почему-то понял, что на этот раз она говорит правду, и как подкошенный рухнул на диван.

— У меня есть другой мужчина, и я выхожу за него замуж.

— И долго он у тебя.

— Почти год, — не сразу ответила Эльвира.

— Год! Ты хочешь сказать, что обманывала меня целый год!

— Ты правильно понял, именно это я и хочу тебе сказать.

— Кто он, я хочу знать, кто он. Я убью его! — уже почти не владея собой, зарычал Герман.

— Успокойся и не делай из этого трагедии.

Тем более, никого ты не убьешь. Это даже не смешно.

Ее слова, словно холодные струи дождя, немного охладили его пыл.

— Могу поспорить, что он богат, — до предела наполняя голос ядом сарказма, произнес Герман.

— Да, богат, — спокойно подтвердила Эльвира. — А что в этом плохого. У него своя крупная экспортная фирма, и он постоянно мотается за границу.

Внезапно его озарило.

— Это с ним ты ездила на юг, а не с подружкой.

— Ты очень догадлив. Естественно, с ним, с кем же еще. Кто-то должен был мне оплатить мое путешествие. Вспомни, ты мне дал столько денег, что их едва хватило на дорогу.

— Сколько было, столько и дал. Зато дал все.

— Я ценю твою щедрость, милый, но она меня больше не устраивает. Щедрость нищего, согласишься, чтобы ее выдержать требуется чересчур много терпения. А ты же знаешь, у меня его всегда было мало. Послушай, Герман, мы не в театре, давай обойдемся без лишних сцен и истерик. Мы взрослые люди и нет смысла обманывать друг друга. Наша совместная жизнь не удалась. И не надо ей, как утопленнику, делать искусственное дыхание. Оно все равно не поможет.

— Но ведь это не так! Вспомни, как мы были счастливы в первый год. Мы старались не расставаться даже на один час.

— Это было так давно, Герман, а что было давно, то, как тебе известно, неправда. Мы были молоды, жили чувствами. Или ты полагаешь, что все это может продолжаться бесконечно? Что ты способен предложить нам с дочерью сейчас. Кроме бедности и унылого существования — ничего. Или я ошибаюсь?

— Но ты же знаешь, я пишу книгу. Когда она появится, все изменится.

— Не смейся, что может измениться после появления твоей книги. Уверяю, ты получишь за нее гроши, а затем ее благополучно забудут.

— Еще недавно ты думала совсем по-другому.

— Я думала так же, как и сейчас. Мне просто не хотелось тебя расстраивать, гасить твой энтузиазм. Меня удивляет в этой ситуации только одно: ты настолько ослеплен, что веришь собственным же иллюзиям. По-моему, это высшая степень глупости и беспечности. А ведь у тебя семья. Как можно полагаться на такого человека, как ты. Что касается меня, то я всегда мечтала быть хозяйкой богатого дома. И не больше. Принимать гостей, обставлять квартиру, ездить туда, куда захочу, покупать то, что мне нравится. Сейчас мне все это предлагают. И я не собираюсь отказываться.

— Я прошу, подожди немного, все это будет у тебя.

— Откуда? Ты получишь наследство от американского дядюшки. Послушай, я давно все для себя решила и только ждала момента, когда появится Андрей. Теперь он появился и настала пора выполнить задуманное.

— А как же Анжела?

— Не волнуйся, с ней все в порядке, она будет жить с нами. У нее будет отдельная комната. А когда она вырастет, мы купим ей квартиру.

— И что она уже там, у него? — с испугом спросил он.

— Тебе же известно, что она сейчас у моей мамы.

— А она знает, что ты от меня уходишь?

— Да, я сказала ей.

— И как она отнеслась к этому великому событию в твоей жизни?

— Ты знаешь, гораздо спокойней, чем ты. Когда я ее привезла в новую квартиру, где ей предстоит жить, то она все сразу смекнула.

— В угоду своим прихотям ты отнимаешь у ребенка отца.

— Никого я у нее не отнимаю. Ты можешь видеть ее столько сколько захочешь. Да и Андрей отличный человек, я не сомневаюсь, что они подружатся. Я все сказала, теперь уж извини, но

мне нужно собрать свои вещи.

— Ты уходишь прямо сейчас?

— Прямо сейчас. Во дворе меня ждет машина.

Из прихожей Эльвира принесла два больших элегантных чемодана, раскрыла их и, словно добычу в пасть, стала небрежно кидать туда вещи. Он молча наблюдал за ней; она никогда не отличалась чрезмерной аккуратностью и сейчас тоже не изменила себе; она даже не попыталась сложить свои платья и кофточки так, чтобы они меньше смялись. Молния одного из саквояжей никак не закрывалась, и Эльвира умоляюще посмотрела на него; он встал, прижал коленом крышку и застегнул его.

— Ну, вот и все, мой дорогой Герман, — без всяких признаков грусти проговорила она. — Посажу перед дальней дорогой в новую жизнь. — Эльвира присела на кончик кресла, но почти тут же вскочила. — Вот тебе мой новый адрес, когда захочешь навестить меня или дочь приходи в любое время. Естественно, кроме ночи, — засмеялась она. — Давай тебя поцелую на прощание.

— Не надо, — зло сказал он, — обойдусь.

— Ну как хочешь, а я по старой памяти хотела доставить тебе приятное.

Дверь хлопнула. С трудом передвигая ставшими ватными ногами, он подошел к окну. Волоча за собой чемоданы, Эльвира вышла из

подъезда. И сразу к ней навстречу бросился мужчина. Он подхватил поклажу и стал грузить ее в «Мерседес». Еще через минуту машина исчезла со двора.

Так начался один из самых страшных месяцев в его жизни, когда мысль о самоубийстве, кажется, не покидала его даже во сне. Его распаленное сознание то и дело рисовало ужасные картины мести. Он метался по городу, искал забвение в алкоголе, но все было тщетно. Перец на рану добавляло еще то, что дочь на удивление легко пережила расставание с ним, очень быстро освоилась в своих новых огромных владениях. Временами он даже не знал, на кого он негодует сильнее — на нее или жену, обе одинаково равнодушно предали его. Угнетало Германа и то, что ему во время своих посещениях даже нечего было принести Анжелике в качестве гостинца; у нее сразу же появилось все и в любых количествах. И при редких с ней встречах они в основном молча смотрели друг на друга, чувствуя обоюдное смущение оттого, что не знают о чем говорить. Кончилось это тем, что он почти перестал ходить к ним, лучше уж не видеть совсем своего ребенка, чем видеть ее безучастное отношение к отцу.

Обида была такой сильной, что он думал, что она никогда не зарубцуется, и он всю жизнь обречен ходить с этой кровавой раны. Но он

ошибался; время постепенно начало свои исцелительный процесс, колющее острие боли стало притупляться. Он все спокойнее переносил и уход жены и разлука с Анжелой, все больше свыкаясь с новой реальностью.

Познакомился он и с новым мужем Эльвиры. Почему-то Герману казалось, что это уже совсем пожилой человек, но Андрей оказался значительно моложе его. Это обстоятельство лишь усилило его неприязнь к нему. Что же касается Андрея, то тот держался благожелательно, при первой встрече тщательно выпытывал, какие и где он имеет связи. Но как только понял, что толку от Германа для него не будет, сразу же потерял к нему интерес.

И вот настал долгожданный час, когда он может хоть в какой-то степени удовлетворить свое давнее и затаившееся, словно в норке змея чувство мести.

Эльвира встретила его в шелковом халате, надетым по своей старой привычке прямо на голое тело. На миг он представил его под этим мягким шелком, и у него пересохло в горле.

— Проходи, я ждала тебя, — сказала Эльвира.

— Ждала меня? — удивился Герман.

— Ну не то, что ты придешь именно сегодня. Но то, что ты пожалуешь в ближайшие дни, я не сомневалась.

Они сели на мягкий диван. Своими тонкими

длинными пальцами Эльвира сжимала такую же тонкую длинную сигарету.

— Я принес тебе подарок, — проговорил Герман. — Такой подарок нельзя купить за деньги, его можно только сотворить своими руками и головой. — Это был недвусмысленный намек на ее мужа — Это моя книга о Марке Шнейдера, вчера состоялась ее презентация.

— Я знаю, Герман. Более того, я ее уже прочла. Ты молодец, мне понравилось.

— Но где ты могла ее взять, она еще не поступала в магазины?

— Пора открыть тебе маленький секрет. В издательстве, где она печаталась, сколько-то там процентов акций принадлежит Андрею. Это я просила его помочь тебе и издать книгу в убыток. Или ты полагаешь, что в наше время книга литературоведа способна принести прибыль?

Это был сильный удар, но он постарался стоически выдержать это испытание.

— Значит, выходом этой книги я обязан тебе.

— Да, милый Герман. Я понимаю, что тебе хотелось доказать мне, что и ты на что-то способен, но, как видишь, не получилось. Но ты не расстраивайся, на меня твои доказательства все равно бы не произвели впечатления. Я все про тебя знаю. Так что лучше просто поблагодари меня и поцелуй в щеку.

— Спасибо, — хмуро сказал Герман. — А где же Анжела?

— Она уехала вместе с Андреем в Англию. У него там какие-то срочные дела, и он решил взять с собой девочку показать ей страну.

— Почему же ты меня не предупредила об этой поездки?

— А ты разве против ее путешествия в Англию?

— Нет, конечно, — пробормотал Герман.

— Но вот видишь, в чем же тогда дело?

— И все-таки мне хочется знать, где в данный момент находится моя дочь.

— Хорошо, я тебя буду извещать об ее перемещениях, — усмехнулась Эльвира и словно шалью запахнулась плотным облаком сигаретного дыма.

Эльвира провела его на кухню и стала поить чаем. Герман молча наблюдал за ней и не мог не признать, что в этой огромной квартире она смотрится очень органично.

— Знаешь, мне действительно понравилась твоя книжка, — вдруг сказала она. — Я там нашла немало любопытных мыслей. Ты совершил рывок вперед. Меня это радует. Если меня сейчас интересовали бы эти проблемы, я бы с удовольствием подискутировала бы с тобой. Но, слава богу, все это ушло от меня навсегда и я могу

позволить себе не думать о Марке Шнейдере и его гениальных книгах. Да и кому они сейчас нужны? Скажи мне, неужели тебя в самом деле все это волнует. Я окончательно поняла то, о чем догадывалась и раньше: человек не должен размышлять обо всех этих бредовых вопросах, касающихся смысла жизни и прочего. Ничего, кроме мизантропии, они не приносят. Все несчастья от таких людей.

— Но когда-то мы с тобой одинаково восхищались его книгами.

— Каждый человек должен пройти через испытание глупостью. Все отличии между людьми заключаются в том, что одни растягивают его на всю жизнь, другие же успевают его завершить вовремя и пожить нормальной человеческой жизнью.

— Если исходить из твоих слов, то у меня этот период все еще продолжается и конца ему не видно.

— Ты романтик, который страстно мечтает превратиться в прагматика. А эти два вида человеческих особей несовместимы. Поэтому из тебя по-настоящему не получается ни тот, ни другой.

— Поэтому-то ты и ушла от меня?

— В какой-то степени — да. Я убедилась, что ты бесперспективен. Твой удел — это вечные

метания между двумя крайностями. И мне совсем не улыбалось всю жизнь метаться вместе с тобой. Хочешь совет?

— Давай.

— Я знаю, что ты давно и страстно мечтаешь о больших деньгах. Но у тебя их никогда не будет. Тебе надо научиться жить в нищете.

Герман почувствовал раздражение.

— Не думаю, что это мой удел. И ты в этом еще убедишься. Деньги можно заработать и головой, а не только торговлей национальными богатствами.

Эльвира рассмеялась, Герман вдруг почувствовал себя идиотом. Он всегда проигрывал ей, она умела одним жестом или несколькими словами показать ему, насколько он глуп, наивен и невыдержан.

— Хотя ты старательно разыгрываешь из себя современного человека, на самом деле ты переполнен самыми старыми предрассудками. У тебя весь набор качеств классического обывателя. Знаешь, даже в сексе ты какой-то старомодный. Мне всегда не хватало какой-то искры, какой-то новизны, когда я занималась с тобой любовью. И не удивительно, ведь все свои силы ты тратишь на удовлетворение своего большого самолюбия. И Марк Шнейдер тебя интересуется не больше, чем марсиане. В книге это заметно. Учти мое

замечание, может быть, оно поможет тебе в дальнейшей работе.

Герман в очередной раз почувствовал раздражение, менторский тон, который с некоторых пор Эльвира усвоила в общении с ним, всякий раз выводил его из себя. Но что-либо возразить ей сейчас он не мог, наоборот, он должен благодарить ее за помощь в издание книги.

— Хорошо, в следующий раз я непременно учту твои замечания. И даже в предисловие укажу, чьими ценными советами я воспользовался. А теперь мне бы хотелось откланяться.

Если бы не Анжела, ноги моей не было бы в этом доме, думал Герман, шагая по улице. Он понимал, что Эльвира своим благодеянием опять переиграла его, вновь продемонстрировала свое превосходство над ним. А он-то дурак радовался своему успеху, удивлялся, почему столь легко издатели взяли в производство его книгу, приписывал это обстоятельство ее неоценимым достоинствам. Как он мог быть таким наивным, как не почувствовал какого-то подвоха? Единственное объяснение — это его непроходимая глупость и самонадеянность. Им вдруг вновь овладело уже немного ослабевшее желание мести. Неужели когда-нибудь наступит блаженная минута, когда ему удастся отомстить за все перенесенные им унижения Эльвире, а заодно и ее муженьку. Это

будет самое сладкое мгновение его жизни, мгновение, которое сделает его пусть на миг, но счастливым.

Герман посмотрел на часы; вечером он обещал заскочить к Натэлле, но до этого еще далеко, а пока ему следует заняться другими делами. Дома лежала незавершенная статья, заказанная ему одним журналом, но заниматься ею не хотелось, хотя в отличие от Эльвиры, которую судьба освободила от этой заботы, он должен постоянно думать о хлебе насущном. А значит, ему придется ехать к себе и садиться за письменный стол.

Около года назад в доме журналистов должен был состояться вечер, посвященный творчеству Марку Шнейдеру. Герман поплелся туда без всякого желания; состав выступающих так и вероятное содержание их выступлений не вызывали у него никакого энтузиазма. Случайно он забрел не в тот зал; в небольшом помещении собралось два десятка юнцов и девиц одетые словно солдаты одинаково — в джинсы и засаленные свитера и почти все как один — патлатые. Стихи читал совершенно неизвестный ему поэт, и Герман решил задержаться здесь ненадолго, не столько заинтересовавшись его поэзией, сколько царившей в зале атмосферой характерной для такого типично непризнанных гением собрания. Он сел на

единственной свободный стул, стоявший в последнем ряду. Внезапно перед ним выросла высокая и худая девица в очень коротком платье из которого высовывались длинные и тощие ноги. Она явно находилась в напряженном поиске незанятого места. Увы, таковых не было видно. Внезапно с ее губ слетел раздраженный возглас. Герман неожиданно для себя вдруг предложил присесть ему на колени. Девушка смерила его изучающим взглядом, словно пытаясь определить, не опасно ли это для нее, а затем, не говоря ни слова, села ему на ноги.

Начали они этот вечер с его колен, а кончили они его в постели Германа. Сначала ему казалось, что это случайная интрижка, на один вечер и на одну ночь. С этой мыслью он и выпроводил ее на следующее утро из своей квартиры.

Но через несколько дней, когда его в очередной раз охватил приступ хандры, он позвонил ей, и она тут же, словно «Скорая помощь» на срочный вызов, примчалась к нему домой. Они провели вместе весь день и ночь любви, Герман по достоинству оценил ее преданность и ту самоотдачу, с которой она занималась сексом.

Постепенно он привязался к ней, но ни о чем серьезном не помышлял. Натэлла, помимо того, что трудилась корректором в одной из столичных газет, была еще по совместительству и поэтом. Впрочем,

на самом деле она была и не Натэллой, а Наташей, но это имя казалось ей чересчур неинтересным и прозаическим. Но несмотря даже на такое переименование ее стихи не нравились ему, они казались ему одновременно банальными и претенциозными. Но к своему удивлению он вскоре убедился, что ее поэзия пользуется определенным успехом; однажды с помощью одного своего знакомого, работающего на радио, ему удалось вытащить ее в эфир, где она прочитала несколько своих виршей. В ответ на передачу пришла пачка писем, которую Натэлла с гордостью продемонстрировала ему. Потом какой-то композитор написал на ее стихи песню, быстро превратившуюся хотя и на весьма непродолжительное время в довольно модный шлягер. Затем каким-то чудесным образом ей удалось напечатать свой сборник, правда, тиражом всего в тысячу экземпляров. Но это была настоящая книжка, которую она раздавала всем подряд, украшая ее своим автографам.

Натэлла обитала в небольшой двухкомнатной квартире вместе с матерью, на взгляд Германа весьма странной особой, которая, как казалось ему, совершенно не интересовалась жизнью дочери. Хотя он бывал у них достаточно часто, он не был даже уверен, отпечаталось ли его имя вместе с его образом в ее мозгу. По крайней мере всякий раз,

когда он с ней здоровался, она удивленно вскидывала на него глаза и бормотала что-то совершенно нечленораздельное.

Когда он приехал к Натэлле, она встретила его в халате с мокрыми торчащими в разные стороны, словно иглы ежа волосами. Герман почувствовал раздражение; по опыту он знал, чтобы привести себя в порядок, ей понадобится почти час.

— Знаю, знаю, ты сердисься, — проворковала Натэлла и выпорхнула из халата, представ перед ним в обнаженном виде. Дав несколько секунд полюбоваться на себя, она затем без всякого смущения в том же виде села перед зеркалом и включила фен.

Он не испытывал огромного восторга от ее фигуры; Натэлла на его вкус была слишком худа: тоненькие ноги, впалый живот и торчащие двумя маленькими трамплинчиками груди. Эльвира тоже была поджарой, но у нее были полные бедра и роскошная грудь — это сочетание доводила его до экстаза еще до того, как он начинал ласкать ее тело.

Как он и предполагал, они вышли из дома только через час. Натэлла почти полностью преобразилась, из угловатого мокрого подростка она превратилась в довольно привлекательную молодую женщину.

Этот вечер они собирались провести в одном из ночных клубов. Его владельцем являлся

однокашник Германа по институту. Их дружба возникла довольно странным образом, они ухаживали за одной и той же однокурсницей. Та же оказалась не то чересчур любвеобильной, не то ее ухажеры обладали равными достоинствами, что она подобно некогда буриданову ослу никак не могла отдать предпочтения ни одному из них, и благосклонно принимала ухаживание обоих воздыхателей. Решив выяснить отношения, соперники с самыми решительными намерениями встретились в укромном месте лицом к лицу, но разошлись с миром. Вместо мордобития они пришли к соглашению, что Герман будет обладателем девушки по нечетным числам, а Анатолий — соответственно по четным. В таком мирном симбиозе, устраивавшем все три стороны, прошел год. Затем их общая возлюбленная совершенно неожиданно для них вышла замуж, но это уже не могло помешать их дружеским отношениям, даже несмотря на то, что интересы у них были абсолютно разные. Герман добросовестно долбил киркой своего интеллекта гранит филологических наук, а Анатолий все больше увлекался коммерцией, а также ночными дискотеками. Может быть поэтому, получив диплом, они как-то сразу потеряли друг друга из вида.

«Нашли» же они снова друг друга год назад;

Герман под проливным дождем подждал автобус, внезапно подкатил роскошный «BMW» и смутно знакомый голос назвал его имя.

Анатолий привез его в ночной клуб, попутно объяснив, что является одним из его совладельцев, накормил изысканным обедом. Пока Герман рассказывал ему о своем житие-бытие, Анатолий равнодушно глазел по сторонам и запивал рассказ приятеля испанским вином.

— Значит, ты все же поддался в науку, — кратко подвел итог жизни Германа Анатолий. — А я сразу после института забросил подальше свой диплом и стал заниматься бизнесом. И не жалею, теперь, как видишь, тут команду. Послушай, Герман, ты меня извини, но у меня сегодня дел по горло, вечером у нас намечается грандиозная тусовка, одна иностранная фирма празднует какой-то заключенный тут контракт, надо все подготовить. Но я с тобой не прощаюсь, я распоряжусь, чтобы тебе вручили бы карточку почетного гостя. Она позволяет один раз в месяц обедать тут бесплатно. А помнишь, Зинку, с которой мы по очереди занимались любовью, — неожиданно засмеялся он. — Она живет сейчас в Америке, замужем за каким-то богачем. Недавно приезжала в Москву, вся расфуфыренная и увешенная драгоценностями, как новогодняя елка. Заявилась ко мне, стала разыгрывать из себя

аристократку. Но меня на эти фокусы не поймает, затащил в свой кабинет и там по старой памяти трахнул. Визжала от радости, как поросенок, ее муженек хоть и миллионер, но уже стар для таких подвигов. Между прочим, спрашивала про тебя, жаль, что я ничего не мог сказать. А то бы тоже переспал с миллионершей. Ну, бывай, старина, мне пора.

Через минут двадцать официант действительно принес ему карточку почетного гостя. Посмаковав еще напоследок бокал испанского вина, Герман удалился восвояси.

Придя домой, Герман достал бутылку водки и, словно желая изгнать изо рта, сладкий вкус изысканного продукта испанских виноделов, осушил подряд две стопки. Затем бросился на кровать и молча пролежал два часа. Он дал себе слова, что его нога никогда больше не ступит на порог ночного клуба Анатолия. А эта дуреха из дурех Зинка, готовая лечь под любого, почему к ней привалило такое счастье? Что она сделала для того, чтобы его заполучить? Он уверен — абсолютно ничего путного. Просто ей подвалила удача. Но почему такая допускается несправедливость при ее распределении, одни трудятся в поте лица своего — и она им все равно не достается, а другие и пальцем не пошевелият, а она, словно продажная девка, сама прыгает к ним на колени. Знать бы как по каким

законам она раздается на небе и что надо сделать, чтобы она заглянула бы к нему.

Свое обещание Герман не сдержал, через месяц как бы случайно проходя мимо «Ночной совы», он вдруг остановился возле входа, несколько минут постоял в задумчивости, имитируя напряженные колебания, затем медленно направился к массивным с позолоченными ручками дверям. В ночном клубе он провел целую ночь. Он бродил между игровыми столиками, смотрел на бесконечный танец рулетки, наблюдал, как после окончания ее очередного па по зеленому сукну перемещаются фишки. Он старался делать вид, что к нему все это не относится, что вся эта жадная до низменных удовольствий публика ему глубоко противна и безразлична, и что он не испытывает никакого желания оказаться среди этих людей за игровым столом.

Вдоволь послонявшись по казино, и, посидев немного в баре, Герман направился в ресторан. Показав подошедшему официанту карточку почетного гостя, он сделал заказ, выбрав наиболее дорогие блюда и напитки.

На сцене под одобрительные крики публики девушки исполняли стриптиз. Герман не отрывал взгляда от представления, запивая пикантное зрелище тонким французским вином и закусывая изысканными кушаньями.

Где-то среди ночи к нему подсел Анатолий. По его жестам и улыбке Герман определил, что его институтский приятель сильно пьян.

— Молодец, что заглянул на мой огонек, старина. Прости, но я только что узнал, что в мое заведение забрел такой дорогой гость. Как тебе этот цирк? — кивнул он на стриптезерок. — Сам всех подбирал, каждую перещупал с ног до головы, — хохотнул Анатолий. — Так что нравятся они тебе, ты мне так и не сказал?

— Нравятся, классные девочки.

— Приходи через час в мой кабинет. Не пожалеешь, — пообещал Анатолий.

Через час Герман был в кабинете Анатолия.

Анатолий полусидел, полулежал в кресле, держа в руках бокал с вином.

— Молодец, что зашел, — небрежно обронил он, запивая свои слова большим глотком вина. — Девочку хочешь. Высмотрел какую-нибудь? Ладно, старина, ничего не говори, я еще помню твои вкусы. Тем более они у нас когда-то совпадали.

Через несколько минут в кабинете появилась девушка в короткой юбочке, которая обнажала ее длинные ноги и с большой, рвущейся на свободу из тугой майки, словно заключенные из тюрьмы, грудью. Анатолий был прав, он действительно не забыл вкусов Германа, он, Герман, заметил ее еще на сцене, когда она в такт музыки медленными

плавными движениями освобождалась от одежды.

— Сегодня, какое число? — спросил Анатолий. — Четное. Значит, я первый. Придется, старина, подождать.

Из кабинета дверь вела в небольшую комнату для утех, как сразу смекнул Герман. Там стояла кровать и бар, сверху лился голубоватый свет, создавая интимную обстановку. Анатолий сдернул с ложа любви покрывало и швырнул его на пол.

— А ты пока посиди в кресле, — кивнул Анатолий Герману. — Если хочешь, можешь принять. В баре есть все на любой вкус.

Герман сидел в кресле, отхлебывая из бокала какое-то вино — он, наливая его, даже не посмотрел на этикетку — и наблюдал, как занимается пара любовью. Девушка без всякого сомнения была мастерицей своего дела, но как ни странно он не испытывал сейчас никакого вожделения. Он чувствовал себя опустошенным, случайным гостем на чужом пиру. Ему даже хотелось уйти отсюда, вернуться в свою маленькую и одинокую квартиру, где его никто не ждет, но где он не ощущает своего постоянного унижения, своей ущербности. Анатолий встал с постели и, не одеваясь, плюхнулся в соседнее от Германа кресло, налил себе из бутылки — и одним глотком осушил бокал. Девушка, обнаженная, лежала на кровати, не обращая внимания на мужчин как будто бы их и не

было в комнате. То, что она откровенно демонстрировала полное равнодушие к его особе, обижало и злило Германа.

— Подожди ты наш нетерпеливый, — догадался об его состоянии Анатолий. — Видишь, девушка устала. Сейчас немного отдохнет и займется тобой. Ты что забыл, как утомляет это дело. Давно им не занимался, — засмеялся он.

Впрочем, все дальнейшее прошло не так уж и плохо. Жрица любви, восстановив силы, проявила пылкий темперамент и высокий уровень профессионального мастерства, — и Герман остался доволен. Понравилось ему и то, что его партнерша тоже получила немалое удовольствие; ему во что бы то ни стало хотелось превзойти Анатолия и кажется удалось; после того, как стриптезерша кончила, она прилегла рядом с ним и благодарно поцеловала в щеку.

С этого момента Герман регулярно посещал ночной клуб раз в месяц, но Анатолий больше не угощал его подобным блюдом и вообще общался с ним мало, на ходу бросая несколько ничего не значащих ироничных реплик.

Сначала Герман решил повести Натэллу в казино, он знал, что круговорот огромных сумм на игровых столиках произведет на нее сильное впечатление. Деньги она любила, но в тоже время расставалась с ними, как с ненужным хламом,

невероятно легко, могла потратить все до копейки на любой приглянувшийся ей пустяк — и остаться без обеда.

Герман с интересом наблюдал за ней, она смотрела на столпившихся вокруг рулетки людей, как смотрит ребенок на полный прилавок игрушек.

— Как здорово, — прошептала она. — Никогда не видела столько богачей в одном месте. Вот бы и мне хоть разок сыграть.

— Всех наших с тобой доходов за всю жизнь не хватит на то, чтобы хоть раз поставить здесь на один кон в рулетку, — усмехнулся он.

В ресторане заиграла музыка. Герман взял свою спутницу за руку и повел в зал.

Натэлла долго и тщательно, словно ей попался какой-то сложный тест, изучала меню.

— И я могу все это заказать? — подняла она него изумленные глаза.

— Можешь. Ты можешь заказать все, что тебе заблагорассудится. И вообще, мы сегодня кутим, ты же знаешь, какое у меня произошло событие. — Он решил не сообщать ей, что этот пир оплачивается не им, а его карточкой почетного гостя.

— Какой ты щедрый! — восторженно воскликнула Натэлла.

Герман понимал, что сегодняшней вечер возносит его в ее глазах на невероятную высоту, приобщает в ее представление к сонму сильных и

богатых мира сего. Ну что ж, пусть хотя бы кто-то думает о нем так, разочаровывать ее он не станет.

Герману не слишком нравилось совершать с ней совместные трапезы, так как Натэлла обычно ела быстро и жадно, как голодный зверек. Но на этот раз она словно преобразилась, она не спеша отправляла в рот маленькие кусочки пищи, запивая их такими же маленькими глоточками вина.

Ее поведение совершенно изменилось, перед ним сидела по-настоящему светская девушка, воспитанная не матерью-алкоголичкой, а гувернанткой или воспитателями из благородного пансиона. Внезапно в нем может быть впервые за все время их знакомства пробудился к ней сильный интерес; и в самом деле что это за странное создание сидит с ним за одним столом, из какого хранилища она вдруг достала эти свои аристократические манеры, которые с такой непринужденностью демонстрирует сейчас ему. До сих пор он никогда всерьез не размышлял о ней, она была нужна ему для того, чтобы разбавлять собой его мужское одиночество, удовлетворять его сексуальные потребности. Но ведь она тоже человек, и она появилась на свет не только для того, чтобы быть игрушкой в его руках, у нее есть своя жизнь со своими желаниями.

— Ты довольна своей жизнью, Натэлла? — вдруг спросил он.

— Довольна жизнью? — удивилась она. — Ты меня об этом спрашиваешь?

— А почему я не могу тебя об этом спросить?

— Ну не знаю, — протянула она. — Я как-то не ожидала от тебя такого вопроса.

— Интересно, за кого же ты меня принимаешь? — Герман видел по ее лицу, что ей не хочется отвечать на последний вопрос. Ладно, пока он не будет настаивать, в конце концов, он не дурак и понимает, почему она молчит. — Но все-таки скажи мне, ты довольна своей жизнью? Мы знакомы не первый день, и мне интересно знать это.

— Если ты настаиваешь, я могу тебе ответить: я не довольна своей жизнью.

— Почему?

— По многим причинам.

— Назови хотя бы основные.

— Я хочу быть поэтом, а у меня ничего не получается.

— Как не получается, ты мне все уши прожужжала про свои успехи.

— Мне не нравятся мои стихи, я знаю, что они подражательские. И ты это знаешь, хотя никогда мне об это мне говоришь.

Бог мой, он всегда считал ее по большому счету обычной дурехой, не сознающей подлинный смысл собственных поступков. Но на самом деле она гораздо лучше, чем он думал до сих пор,

разбирается в реальной ситуации.

— Но почему ты так думаешь, может быть, я как раз считаю твои стихи хорошими.

— Не заливай, Герман. Когда я читаю тебе свои стихи, то всегда слежу за выражением твоего лица. В отличие от того, что иногда ты мне говоришь, оно гораздо правдивее отражает твои мысли. И ничего, кроме скуки, на нем не бывает.

— Но я не специалист по поэзии, я могу и ошибаться.

— Причем тут специалист или не специалист, просто людей не задевают мои стихи. Да и я сама не дуручка, думаешь, ничего не понимаю.

— Ладно, со стихами разобралась. А что еще вызывает твое недовольство?

— Ты меня не любишь.

— Вот те на! — разыграл удивление Герман. — Мы с тобой уже столько времени, но ты считаешь, что я тебя не люблю. Почему же я тогда не уйду от тебя?

— Тебе скучно, ты чувствуешь пустоту вокруг себя. Вот я ее и заполняю. Я удобна для тебя, ты можешь меня трахать и ничего не обещать. А я ни о чем тебя не прошу. Ты считаешь, что делаешь меня счастливой только уже тем, что оказываешь мне внимание. Я для тебя словно заводная игрушка, которую ты заводишь, когда тебе скучно. Завод кончается, и ты меня откладываешь в сторону до

следующего раза. А ведь я люблю тебя.

«Только этого мне и не хватало» — тоскливо подумал Герман. Он уже раскаялся, что совершенно неожиданно для себя завел этот, как оказалось, довольно опасный разговор.

— Это не так, — сказал он, — ты мне далеко не безразлична, ты занимаешь в моей жизни определенное место.

— Ты верно сказал, определенное. А мне хочется совсем не этого, я хочу быть с тобой всегда и везде. Ты первый мой настоящий мужчина, до тебя у меня были одни пригостишки. Мы поедем сегодня к тебе?

Герман кивнул головой. На сцене девушки в который уже раз сбрасывали с себя одежду; среди стриптизерок была и та, с которой он занимался любовью в комнате для утех Анатолия. Может, стоит поделиться своими воспоминаниями с Натэллой, как она отнесется к ним? И зачем он только затеял этот разговор, в результате он услышал много лишнего, чего он вовсе не жаждал знать. И теперь их отношения уже не могут быть такими безмятежными, как раньше. Отныне он вынужден остерегаться ее, сегодня он понял, что она совсем не такая, как он думал, и ему теперь придется постоянно блуждать по ее внутреннему миру, всякий раз опасаясь зайти туда, куда он вовсе не желает попадать. Но что же ему в таком случае

делать, полюбить ее он все равно никогда не сможет, а расстаться же с ней он сейчас не готов.

В середине ночи они покинули ночной клуб и, поймав такси, отправились к нему домой, где неистово стали заниматься любовью. И впервые за все время их связи Герман почему-то не надел презерватива.

* * *

Утром, когда они еще спали, прозвенел звонок, который Герман с нетерпением ждал все эти дни. Звонила секретарша Хейга, она предложила ему приехать в офис к младшему из братьев для ведения переговоров.

Герман тут же бесцеремонно растолкал все еще сладко почивавшую Натэллу, чуть ли не на руках отнес ее в ванную, затем заставил девушку быстро пожарить ему яичницу и сварить кофе. Сам же он это время занимался тем, что приводил себя в порядок: до синевы выбрил щеки, которые затем обильно оросил лосьоном, потом долго подбирал галстук к своему парадному костюму. Быстро проглотив завтрак, он схватил девушку за руку, и хотя на ее тарелки еще оставались кусочки недоеденного омлета, вытолкнул ее из квартиры и вышел сам. Вместе они спустились на улицу.

Герман чмокнул свою спутницу в щеку и, не

обращая больше на нее внимания, помчался на остановку автобуса.

— Что будете пить? — спросил Хейг, когда Герман устроился в кресле напротив него.

— Все равно, — ответил Герман и невольно облизал пересохшие от волнения губы.

— В такую жару лучше всего пить минеральную воду, — со знанием дела проговорил Хейг. В отличии от Германа, облаченного в свой лучший костюм, он был одет очень просто: в тонкие летние брюки и в легкую тенниску.

Хейг поставил перед Германом хрустальный бокал с минералкой.

— Могу вас порадовать, я решил издать вашу книгу у нас в Америке. Но скажу вам честно, на большой коммерческий успех я не рассчитываю. У вас в России странные люди, здесь никто не может ни говорить, ни мыслить просто. Вам во всем необходимо докопаться до смысла. А какой в этом смысл, — рассмеялся явно довольный своим каламбуром Хейг. — Поэтому если предложить вашу книгу американскому читателю в том виде, в каком она написана, то он ее просто не поймет. Я сам многое не понял. Нам придется провести серьезную редакционную работу, кое-что сократить, кое-что сформулировать более доступно. Надеюсь, вы не возражаете против таких правок?

— Нет, — без всякого энтузиазма согласился Герман. Интересно, что же останется от его книги в ее американском варианте, тоскливо подумал он.

— Это по-деловому, — обрадовался Хейг. — Я тут имел дело с некоторыми вашими авторами, так они ни в какую не соглашаются даже на малейшее изменения. Издавай их книгу такой, какую он ее написал или не издавай совсем. Удивительный народ, не понимает, что в бизнесе невозможно без компромиссов. Я подготовил договор между вами и моим издательством, посмотрите и если согласны подпишите.

Глаза Германа быстро помчались по строчкам контракта, из всех перечисленных в нем многочисленных условий его по-настоящему интересовало только одно — величина гонорара. Внезапно он почувствовал, как у него пальцы самопроизвольно сжались в кулаки, сумма причитающегося ему вознаграждения была столь мизерной, что у него даже возникло желание гордо отказаться от нее и вообще не подписывать эту бумажку. Или даже порвать ее прямо на его глазах. В крайнем случае, пусть издает бесплатно. Это лучше, чем такое унижение.

— И это все, что я должен получить? — спросил он.

Хейг нарочито огорченно развел руками.

— А что вы хотите, я же вам сказал, что я не

ожидаю прибыли от этого проекта. Считайте эту сумму не гонораром, а моей благодарностью вам за хорошую книгу. Но вы не огорчайтесь, если книга хорошо разоидется, то мы сделаем повторный тираж. И тогда размер гонорара может оказаться значительно больше. Пока же я иду на риск.

Герман был почти убежден, что американец лжет, что он пользуется тем, что у Германа просто нет иного выхода, и нагло выкручивает ему руки. Пусть он не получит денег, но по крайней мере его имя будет хотя немного известно там за океаном. А это тоже немалый капитал. Он достал ручку и чиркнул ей по бумаге.

— Это замечательно, я очень рад за вас, вы приняли мудрое решение. Теперь вас ждет слава в Америке. — В голосе Хейга звучали радостные нотки, но по выражению его лица Герман видел, что американец уже потерял к нему интерес, он легко добился своего, и теперь его ждут другие более важные дела. — Хотите еще что-нибудь выпить? — вежливо, но уже сухо поинтересовался Хейг.

— Нет, спасибо, меня ждут еще в другом месте.

— В таком случае не смею вас больше задерживать. Был очень рад нашему знакомству, — снова, как прощальный подарок, озарился белозубой улыбкой американец.

* * *

Он вдруг почувствовал, что устал. Устал не от двухлетней напряженной работы, а оттого, что она оказалась на самом деле никому не нужной и бесполезной. Он написал книгу и по отзывам многих вполне достойную книгу, но что с того толку. Человек надеется, что его труд принесет ему в конце концов отдачу, но как только он оказывается законченным, то быстро убеждается, что его упования на него оказываются тщетными. Ну а если даже кто-то и проявляет к нему какой-то интерес, то не для того, чтобы воздать должное его творцу, а чтобы воспользоваться плодами, выращенными чужими руками. Но в таком случае, какой смысл в такой работе, если она не способна ничего изменить в жизни, если она оставляет после себя лишь ощущение горечи от бессмысленно затраченного времени и непомерных усилий? Но теперь, когда очередной цикл его жизненному пути завершился, когда он вновь пришел к тому, с чего его начал, он не знает, что ему делать дальше, куда идти? Жизнь все больше представляется ему бессмысленным колесом, которое постоянно крутится, но никуда не движется.

Если подвести итог всего, что с ним произошло за последние несколько лет, то у него

набирается богатый набор аргументов вполне достаточный для того, чтобы признать свое жизненное поражение и поднести руку с пистолетом к виску. У него полное ощущение ненужности и бессмысленности своего существования и нет даже проблесков мысли, каким образом все это можно изменить. И все-таки он прекрасно понимает, что кончать самоубийством свои дни он не собирается. По крайней мере в ближайшее время. Еще когда он сидел в кабинете этого в конец обнаглевшего американца, к нему пришла простая, но в какой-то степени спасительная идея, — он бросит немедленно все к чертовой матери и отправится в отпуск. Завтра ему обещали сделать окончательный расчет в издательстве за книгу, и этих денег вполне должно хватить на то, чтобы беззаботно провести один месяц где-нибудь вдали от этого проклятого города. Итак решено, он поедет сегодня же в институт, подпишет заявление, а заодно поговорит с Филоновым о своих делах. Хотя после его выступления на презентации у него мало осталось надежд на помощь председателя ученого совета.

Еще когда Герман работал над книгой, то надеялся, что она будет засчитана в качестве докторской диссертации. Доктор филологических наук Герман Фалин — это звучало и красиво и заманчиво, открывало определенные надежды и

перспективы. Но теперь и того и другого с каждым днем оставалось все меньше; если бы ученый совет возглавлял хотя бы не Филонов, а кто-то другой, то тогда у него были бы неплохие шансы добиться своего. Но Филонов станет сражаться против него до конца и по-своему будет даже прав; в самом деле зачем создавать собственными руками потенциального конкурента.

С отпуском проблем не возникло, директор института сразу же подписал заявление. Этот человек всегда вызывал у Германа симпатию, он обладал одной замечательной особенностью, он практически с первого взгляда умел отличить бездаря от таланта. Герману льстило, что он не только зачислял его во вторую категорию своих сотрудников, но и не делал из этого тайны, стараясь в меру своих сил и возможностей создавать ему благоприятные условия для работы и творчества. Беда была в том, что этих сил и возможностей у него было немного; по характеру мягкий и безвольный он давно уступил реальную власть в вверенном ему учреждении другим лицам, обладавшим совсем иной ментальностью и преследующие совсем иные цели. Поэтому Герман решил, что нет никакого смысла даже заикаться перед ним о своем желании превратить свою книгу в докторскую диссертацию, он только поставит его в неловкое положение; директор непременно

захочет ему помочь, но при этом все равно ничего не сумеет реально сделать. Тем самым он, Герман, только вынудить его решать проблему, которую ему все равно не решить. Поэтому Герман без всякого желания из кабинета директора направился в кабинет Филонова.

Филонов продержал Германа в своей приемной минут двадцать. Герман был уверен, что никаких серьезных дел у председателя ученого совета нет, уже наступил мертвый сезон, и все важные мероприятия переносились на осень. Ему захотелось удостовериться в своей правоте и он попытался выведать у секретарши, каким таким срочным занятием поглощен ее шеф.

Но она, несмотря на свою симпатию к Герману, о которой тот давно знал и на которую сейчас и надеялся, проявляя верность начальству, хранила стойкое молчание.

Филонов, как и Хейг, страдал от жары. На его столе сиротливо стояла бутылка «пепси», больше на нем ничего не было. Сам же хозяин кабинета сидел в рубашке с расстегнутым воротом и безучастно смотрел перед собой. Герман сразу же почувствовал, что у Филонова нет абсолютно никакого желания вести с ним разговор.

— Герман Эдуардович, а я о вас сегодня почему-то вспоминал, — имитируя радость, проговорил Филонов.

— Значит, не зря я к вам зашел, — сказал Герман. — Хочу еще раз поблагодарить вас за то, что вы так блистательно провели мою пресс-конференцию.

— Да бросьте, — величественно отмахнулся от комплимента Филонов. — Это была несложная работа. Вы написали хорошую книгу, я с удовольствием ее представил. Вот и делов-то всего.

— Как раз о моей книге мне бы и хотелось с вами поговорить.

— Что ж, с большой охотой. Хорошая книга тем и ценна, что о ней можно говорить бесконечно, в то время, как о плохой только и остается что написать рецензию, — засмеялся Филонов. — Между прочим, я слышал, что вы собрались в отпуск. Куда решили отправиться?

— Еще не знаю, как раз занят тем, что выбираю маршрут.

— Я вам завидую, сам мечтаю об отпуске, как грешник о прощении грехов, — снова засмеялся Филонов. — Если бы вы только знали до чего же все надоело.

— Так в чем же дело, Александр Борисович?

— Да вот никак не разгрёбусь со срочными делами. Каждый день что-нибудь подкидывают. Вам же известно, половина наших сотрудников уже разъехались, вот и приходится за них отдуваться. Вы, наверное, слышали, что через три дня защита

докторской у Никишкина, а я его главный оппонент.

— Я тоже с вами, Александр Борисович, хотел бы поговорить о диссертации.

— Охотно выслушаю вас.

— Вы не считаете, что в качестве докторской диссертации я мог бы предложить свою книгу о Марке Шнейдере.

— Хм. — Лицо Филонова приняло изумленное выражение, как будто Герман сообщил ему о прибытии в институт делегации инопланетян.

«Гад, сейчас начнет меня топить» — зло подумал Герман.

— Честно признаюсь, Герман Эдуардович, как-то не думал о таком варианте, — протянул Филонов, явно обдумывая на ходу сложившуюся ситуацию. — Хотя с другой стороны понимаю ваше желание. — Филонов внимательно осмотрел свой кабинет, словно удостовераясь, что кроме них никакого здесь больше нет. — Могу я с вами говорить совершенно откровенно.

— Конечно.

— Скажу честно, уважаемый Герман Эдуардович, мне не хотелось обсуждать эту тему, но раз вы сами затеяли этот разговор, то, как говорится, никуда не денешься. Ваша трактовка творчества Марка Шнейдера по многим позициям вызывает серьезные возражения. Естественно, что

представляя вашу книгу я не стал акцентировать на этом внимание, праздник есть праздник. Конечно, вы можете мне сказать, что это мое субъективное суждение. И это так. Но это и не так, мы в институте обменивались мнениями по этому вопросу и можно сказать, что в нашем коллективе вырисовывается определенный консенсус. И к большому моему огорчению, этот консенсус не в вашу пользу. Более того, мне даже пришлось успокаивать некоторых ваших заочных оппонентов, которые были просто возмущены многими положениями вашей книги.

— А могу я узнать, какими?

— Практически общее несогласие вызывает ваш тезис о том, что творчество Марка Шнейдера подводит итог развития всей литературе XX века. А вы помните, что Марк Шнейдер неоднократно заявлял, что литература в нашем столетии окончательно зашла в тупик, полностью выдохлась, и у нее не осталось больше никаких осмысленных слов. Так вот, большинство наших сотрудников считают, что если может быть, кто-то и зашел в тупик, то скорей всего это не литература, а сам Марк Шнейдер.

— И это все претензии?

— Ну что вы, — даже обиделся Филонов, — люди просто кипят от возмущения. Практически никто не согласен так же с вашим утверждением,

что Марк Шнейдер — самый выдающийся писатель второй половины нашего столетия. Многие придерживаются прямо противоположного мнения, они считают, что его творчество — это не что иное, как самое настоящее упадничество, а в самой личности Марка Шнейдера отчетливо просматриваются следы деградации, выросшие на почве самовозвеличивания.

— И вы тоже так думаете?

— Нет, конечно. У меня нет сомнений, что Марк Шнейдер очень самобытный писатель и весьма неординарная личность, но считать его непревзойденным гением — это все-таки большая смелость. У каждого человека свое кресло на Олимпе и очень важно уметь занять именно его. Я всегда придерживался мнения, что жизнь — это кинозал, где каждый занимает место согласно выданному ему при рождении билету.

— Я поставил его на первое место, потому что считаю, что никто другой не выразил столь полно дух нашего времени, как он.

— Что ж, может быть и так, но встает вопрос, а правильно ли вы сами понимаете дух нашего времени? Ваши оппоненты вам заявят, что они считают, что этот самый ваш пресловутый дух времени отражает совсем иной автор. И что вообще этот дух пахнет совсем по-другому и находится он совсем не в том месте, на которое вы указываете. И

как вы будете доказывать, что это не так. Вы оперируете чересчур абстрактными категориями, которыми можно вертеть в разные стороны не хуже любого колеса. Вы переходите от филологии к философии, и я вам не советую это делать. Это очень опасный переход, на нем всегда можно поскользнуться. Я много раз присутствовал при подобных ситуациях, и всегда они заканчивались плачевно для претендента.

— И все же почему бы не по diskutieren, я считаю, что у меня солидные аргументы.

— Еще раз вам повторяю, — обреченно вздохнул Филонов, — мне известна ситуация, я знаю с каким вы столкнетесь противоборством. Мне просто жалко вас, потому что у вас нет ни единого шанса. Это будет большой удар по вашему самолюбию. Стоит ли, Герман Эдуардович так рисковать. Вот что я вам предлагаю, вы уходите в отпуск, через пару неделек я тоже дай бог отправлюсь вслед за вами. А когда осенью мы вернемся, когда вернутся другие, то тогда, если наш разговор не потеряет своей актуальности, мы вернемся к нему. Может быть, совместными усилиями и найдем какое-нибудь решение.

Герман понимал, что говорить больше не о чем, Филонов высказался с той предельной откровенностью, на которую вообще способен. Герман даже не ожидал от него такой

непримиримой искренности, желая кому-либо отказать, он обычно долго и нудно юлил. И то, что ему, Герману, ничего не светит ни осенью, ни зимой, ни даже следующим летом у него больше нет ни малейших сомнений.

— Хорошо, вернемся к разговору осенью. Но только если вы думаете, что со мной можно поступать так, как вам или кому-нибудь еще другому заблагорассудится, то вы серьезно ошибаетесь. На вас свет клином не сходится, есть другие люди, есть другие мнения. И неизвестно еще кто победит. Вы напрасно думаете, что я не понимаю подоплеку всех ваших рассуждений, вы не хотите пускать меня в вашу резервацию потому что боитесь, что я не буду покорно следовать вашей воле. А вам для вашего войска требуются только такие резервисты. Вы хотите, чтобы ваше мнение о Марке Шнейдере было бы непреложным, как папская энциклика. Но этого никогда не случится. — В голосе Германа звучала неприкрытая угроза и вызов, и он поймал удивленный и одновременно настороженный взгляд Филонова. Герман понимал, что сейчас он, быть может, совершает ошибку, о которой будет долго сожалеть. И все же он не раскаивался в своем поступке; по крайней мере, в ту минуту, что он швырял в лицо Филонову все, что накопело у него за время этого замечательного разговора с ним, на

душе он чувствовал себя как никогда счастливым.

Рядом располагался небольшой пивной подвальчик, куда сотрудники института частенько ныряли, дабы немного отдохнуть от чинной академической скуки своего заведения. Герман спустился в тесный и душный зальчик, где белыми кучевыми облаками висел сигаретный дым, заказал две кружки пива и осушил их двумя большими глотками. Теперь он как никогда ясно понимает, что уперся в стену, которую ему будет крайне трудно обойти или прошибить. И дело не только в том, что против него выступает Филонов — хотя, учитывая его связи, вес и возможности, это более чем серьезный противник, против него все те, кому не по нраву Марк Шнейдер. А их, как показывают события, легион. Впрочем, удивляться этому обстоятельству не приходится, иного и быть не может, ведь все творчество Марка Шнейдера бьет по самым главным устоям этих людей, по всему тому, на чем держится их благополучие. Он, Герман, не настолько уж поработчен восхищением своей персоной, чтобы не понимать, что дело вовсе не в его книги, она лишь едва слышимое эхо, порожденное произведениями этого писателя. Когда он приступал к их изучению, то надеялся, что окажется одним из первых, а оказался в одиночестве. Все ополчились против него, ибо они кожей ощущают, что Марк Шнейдер выталкивает

их из уютных давно насиженных гнездышек на бескрайние просторы неопределенности, в те необъятные дали, где привольно раскинулось царство свободы. А они не желают становиться его подданными, им гораздо приятнее в их обжитом мирке и за его сохранение они будут сражаться до конца, как сражаются люди за свой дом. Да и чего греха таить, он и сам подчас пугается того, что открывается ему со страниц романов Марка Шнейдера, хотя сейчас ему совсем не до того, чтобы анализировать причины своих страхов. Главное для него сейчас заключается в другом, ему нужно во что бы то ни стало найти выход из безвыходной ситуации; после того, что произошло в кабинете председателя ученого совета, Филонов не только ни за что не даст ему хода, он постарается его выжить из института. А раз так, то он, Герман, должен принять важное для себе решение: что ему дальше делать, как жить.

Герман вдруг ощутил, как начинается его стремительный полет в пропасть отчаяния. Эйфория, вызванная всплеском сбежавших из-под контроля эмоций в кабинете Филонова, погасла и теперь он ощущает полную растерянность. Мразь, подлец, негодяй. С каким бы удовольствием он бы пристрелил этого человека и долго бы с наслаждением наблюдал за его агонией. Ни что не приносит такой радости, как страдания своих

врагов.

Это понимали еще древние. Конечно, это выглядит не слишком гуманно, но зато приводит к освобождению от какого-то тяжелого и очень неудобного груза. Может быть, поэтому в мире столько жестокости.

Герман приехал домой и лег на диван. Надо было срочно решать, куда он отправится в отпуск, так как находиться в Москве не было больше ни желания, ни сил. Он стал читать рекламные объявления, они звали его посетить едва ли не все страны мира, отправится на самые модные и престижные курорты, поселиться в многозвездочных отелях. Но зачем они ему, везде он будет чувствовать себя чужим, незванным гостем, случайно оказавшимся на чужом пиру. Да, эти государства, курорты, гостиницы примут его, предоставят все мыслимые и немыслимые услуги, но это гостеприимство равнодушных, там нужны его деньги, а не он сам. Он напоминает себе застигнутый штормом корабль, который мечется по бушующему морю в поисках тихой уютной бухты, но нигде ее не находит, все стоянки уже заняты и куда бы он не ткнулся, отовсюду, словно прокаженного, его безжалостно изгоняют. Пора признать себе, что вся его жизнь — одна сплошная неудача, бессмысленный бег белки в колесе по кругу, бесконечная и бесплодная борьба с

призраком по имени успех. Ведь кто такой на самом деле Филонов и те, кто выстроились в один с ним ряд, это не люди, это просто имена и фамилии, это фантомы, которые хотят одного есть, пить, заниматься любовью и чувствовать себя в безопасности. Они словно автоматы запрограммированы на определенные действия и мысли, у них нет ничего своего, единственное, что их заботит — любыми путями сохранить все, что они имеют, от любых посягательств. И ради этого они готовы перегрызть глотку любому, кто покусится на эти их незыблемые права.

Внезапно раздался звонок в дверь, Герман недовольно поднялся с дивана, гадая, кто этот незванный гость. К огромному изумлению Германа на пороге стоял Иванов. Едва он завидел Германа, как по его лицу, словно блин по сковороде, поплыла широкая улыбка.

— Здравствуйте, дорогой Герман Эдуардович. Вижу по вашему виду, что, как на одной знаменитой картине, не ждали моего визита. А я вот отважился вас навестить, в надежде так сказать пообщаться. Уж вы простите меня великодушно, если я оторвал вас от важного дела или не дай боже потревожил ваш отдых. Конечно, если я не к месту, то я немедленно уйду. Только скажите. Просто оказалась у меня минутка свободная, вот и заскочил.

— Я рад, — сказал без всякой радости Герман. — Проходите.

Иванов вошел в квартиру, по-хозяйски обошел ее, как человек, собирающий тут поселиться. Затем без приглашения сел в кресло.

— Да, не очень-то вы хорошо устроились в этой жизни, дорогой Герман Эдуардович, — с глубокомысленным выражением лица промолвил Иванов. — И руки женской не просматривается. Понимаю, в разводе.

— А версия о том, что я никогда не был женат, вас по каким-то причинам не устраивает?

— Да нет, — почему-то печально вздохнул Иванов, — по вас видно, что разведены. Холостяки и те, кто в разводе, всегда сильно отличаются друг от друга. У разведенного в душе как бы огромный шрам, он уже совсем не так смотрит на жизнь чем тот, кто не был никогда связан священными узами брака.

— И в чем же наблюдается это кардинальное отличие?

— У разведенного взгляд другой, настороженный, подозрительный и в тоже время грустный. Потому что разведенный не чувствует себя полноценным человеком, ибо подсознательно считает, что потерпел неудачу. А потому все время боится, что ему начнут сочувствовать и думать о нем что он такой никудышный раз не сумел

сохранить семью. Его глаза никогда не сияют оптимизмом, он редко верит в лучшее. А в глазах холостяка светится надежда, он еще верит, что счастье, возможно, что оно впереди, и он живет этим чувством.

— Я вас напою чаем. А если хотите, можем принять что-нибудь и покрепче, — предложил Герман не столько из желания угостить гостя, сколько стремясь изменить тему разговора.

— Ой, простите, совсем запамятовал, — воскликнул Иванов, — понимая, какой у одинокого мужчины может быть стол, то вы уж не обессудьте, но я тут кое-что прихватил с собой.

Только сейчас Герман обратил внимание на то, что у ног Иванова стоит раздувшийся от поклажи портфель.

— Вот, пожалуйста, — говорил Иванов, извлекая из него припасы, вот колбаска, вот ветчинка, сырок глазуревый не желаете ли. А я знаете так на всякий случай еще и хлебушек прихватил, вдруг среди ваших забот вы забыли его приобрести. А вот это самое главное, посмотрите какой орел, — радостно возвестил он, доставая из портфеля большую бутылку водки. — Порезать бы надо все это аккуратненько. Ножичком, Герман Эдуардович, не снабдите ли?

— Ножик я вам дам, — сказал Герман. — Сейчас принесу из кухни. — Он прошел на кухню и

несколько секунд стоял неподвижно. То, что происходило сейчас в его квартире, носило какой-то оттенок сюрреализма, им владело ощущение, что прямо на его глазах пишется еще одна глава «Мастера и Маргариты». Уж не сам ли дьявол пожаловал к нему в гости под видом этого странного мужчины. Если черту понадобилось перевоплотиться в человеческий облик, то он вполне мог бы взять себе внешность и манеры Иванова. Герман достал ножик, вернулся в комнату и удивленно замер: он оказался перед накрытым столом. Водка была разлита по рюмкам, а на тарелках лежали ровные кружочки и ломтики колбасы, сыра, ветчины.

— Уж вы извините меня, я тут немного похозяйничал, позаимствовал из стенки вашу посуду. А ножик у вас почему-то на диване лежал. Вот я и не стал дожидаться. Вы уж меня не ругайте за своеволие, я только хотел облегчить ваш труд. А тарелочки скажу я вам у вас старенькие, все в трещинках, поди от родителей еще достались.

— От родителей.

— Я так и предполагал. А обновить все не досуг. Или денег не хватает. Вот горе-то. Да вы садитесь, — вдруг проговорил Иванов, видя, что Герман по-прежнему стопором стоит рядом со столом.

— Спасибо за любезное приглашение, —

усмехнулся Герман. — Но это, кажется, еще моя квартира.

— Моя, ваша, да разве это так важно. Важно другое, кто хозяин положения в конкретной ситуации. А сейчас хозяином был ваш покорный слуга, вот я и предложил вам присесть. Вы не согласны со мной, уважаемый Герман Эдуардович?

Герман ничего не ответил, но про себя он был вынужден согласиться со своим неожиданным гостем.

— Предлагаю тост, давайте выпьем за вашу жизнь, — торжественно провозгласил Иванов. — Тем более, как я понимаю, она у вас еще по-настоящему и не начиналась.

— Любопытное утверждение, — усмехнулся Герман, — особенно если учитывать, что половину жизни я уже прожил.

— Да помилуйте, — даже как-то возмутился Иванов, — что же тут любопытного? Разве все, чем вы занимались до сих пор, это и есть подлинная ваша жизнь? Да никогда с таким утверждением не соглашусь. Скажу более того, вы ничего еще не знаете о своей жизни.

— Я ничего не знаю о своей жизни. Но кто же тогда о ней знает? Уж не вы ли?

— Не исключено. Но разговор не обо мне, а о вас. Когда я впервые имел счастье вас лицезреть, то сказал себе: вот несчастный человек, мечется в

разные стороны, как теннисный мячик на корте, ставит перед собой мифические цели, а когда не может их достигнуть, то считает себя самым большим неудачником на свете. Но даже если не дай бог вы однажды случайно достигнете одну из тех задач, что постоянно решаете, думаете, что будете довольными? Уверяю вас, ничего не получится. Знаете, в чем ваша главная беда, вы пытаетесь добиться того, чего вам совершенно не нужно. Потому и счастливы никогда не были и не будете до тех пор, пока не станете на все смотреть по-другому.

— В таком случае позвольте узнать, каковы же истинные мои цели?

— А вот на этот вопрос так сразу и не ответишь, хотя вопрос этот наиглавнейший. Но человек реже всего задает его себе. А может, и целей-то у вас нет никаких, не озадачила так сказать вас ими природа. Ну а вам само собой разумеется обидно: как же так я такой умный, образованный, значительный — и бесцельный. Да такого быть не может, найду-ка я себе какую-нибудь цельку да не просто цельку, а что-нибудь очень большое, даже великое как, например, у Наполеона и буду себя мучить ею всю жизнь. А на самом деле всего-то, что вам действительно нужно, так это гипноз, бальзам для больного самолюбия. Если бы меня попросили

одним словом описать всю вашу сложную психологию, то я бы сказал: «самолюбие». А все остальное, как не крути, приложение к нему. Искренне вам говорю, печась о вашем благополучии: нельзя так, Герман Эдуардович. Подумайте хотя бы о своем здоровье, оно же не выдержит долго такого напряжения.

— Послушайте, — не скрывая раздражение, произнес Герман, — когда мы с вами встретились в первый раз, то вы говорили мне о спонсорстве, о вложении в меня капитала. Вместо этого вы пришли ко мне и стали упражняться в дешевом психоанализе. Это и есть ваша помощь?

— А как вкладывать деньги в человека, который не разобрался в самом себе. Вы же умны, Герман Эдуардович, а значит, должны меня понять и мне посочувствовать; деньги же мои, а я не хочу ими рисковать. Надо же все предусмотреть, определить, что меня ждет. А это такая кропотливая работа. Вот вы завели речь о спонсорстве. Честно признаюсь вам, вы мне глубоко симпатичны, я еще на вашей презентации сказал себе: вот кому ты, Никита Петрович, должен непременно помочь. Но как это лучше сделать? Были бы вы совсем другим человеком, я бы вам принес ящичек коньяка — и дело с концом. Но зачем вам столько коньяка? Да вы еще и обидитесь за него? Ведь обидитесь?

Герман неопределенно пожал плечами.

— То-то и оно. Вы человек деликатный, а потому чтобы вас спонсировать нужно найти подходящую форму. Вот, к примеру, выну я сейчас из этого портфеля 100 миллионов рублей и дам вам просто так, даже расписочку не потребую. Возьмите и пользуйтесь на благо себе и людям. Так ваше же самолюбие не позволит принять сей дар. Оно, само собой разумеется, предрассудок, но куда же вы от него денетесь. Вы еще ничего не получили, а оно уже, как солдат, начеку. Сотворит оно вам гордое лицо и скажет решительным голосом: не беру я милостыню. А вот, предположим, другая форма моей помощи. Я говорю: эти деньги я предоставляю для написания книги, скажем на такую тему: «творчество маркиза де Сада в детских рисунках». Сами видите, цель благая, отчего не взять. Более того, чтобы перед собой оправдаться, книжку начнете писать. Так, по страничке в неделю или даже в месяц. Но факт, начнете. И даже для очищения совести как-нибудь мне набросочек покажете — дескать работаю в поте лица своего. Ну, так как, Герман Эдуардович, берете денежки? Сумма-то немалая. Ведь 100 миллионов, вы поди о них по ночам грезите. Подумайте. Даже если проживете две жизни, таких денег не заработаете.

Иванов медленно наклонился к портфелю, Герман же вдруг почувствовал, как забились у него

в конвульсиях жилка на виске. Иванов же тем временем что-то медленно доставал из своего саквояжа. Наконец он вынул и торжественно водрузил на стол еще одну бутылку водки.

— Вы, кажется, немного взволнованы, — проговорил Иванов, участливо посматривая на Германа. — Пот на лбу выступил. Вытереть бы надо платочком. Вы позволите? А может, что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось, просто слушать вас очень интересно. Вы со всеми проводите такие эксперименты?

— Вы себя слишком дешево цените, конечно же нет, только с теми, кто мне очень симпатичен.

— А вы не находите, что демонстрируете свои симпатии несколько странным образом?

— Может быть, — согласился Иванов, улыбаясь. — Но у каждого уж свой образ действий. А давайте-ка временно забудем про все этим наши с вами проблемы, что-то давно мы с вами не пригубляли. Предлагаю выпить за то, чтобы в вашей жизни в скором времени произошли бы большие перемены.

Герман выпил и поморщился, на этот раз ему не понравилась ни водка, которая сильно горчила, ни его собутыльник, неприязнь к которому возрастала со скоростью курьерского поезда.

— Извините меня, — сказал Герман, —

несмотря на нашу длинную беседу, но я так и не постиг великой цели вашего посещения. У меня такое ощущение, что вы пришли сюда чтобы провести надо мной какой-то психологический опыт.

Иванов, прищурившись, посмотрел на Германа.

— А чем собственно плоха цель. А разве вам неинтересно понаблюдать за самим собой. Ведь человек обычно имеет о себе самое превратное представление, он считает себя совсем другим, нежели он видится окружающим. И уж совсем не похож он на того, кем является на самом деле. Легче выведать самую большую государственную тайну, чем получить истинное представление о самом себе. А тут приходит к вам прямо на дом человек и помогает вам лучше понять свою уникальную личность. Да ведь это же какое удобство. Лично я такому посещению только был бы несказанно рад. — Несколько секунд Иванов выжидающе смотрел на Германа, но не дождавшись его реплики, продолжал: — Читаю вопрос в ваших глазах, уважаемый Герман Эдуардович, что это за странный человек восседает тут напротив меня. Разглагольствует про самопознание, а сам меня водкой накачивает. Как-то все это не очень сочетается. Так?

— Предположим.

— А вот и сочетается. Водка она тоже способствует на свой лад самопознанию. А сказать вам, почему? Вот вы сейчас очень скованный, а алкоголь делает вас более раскрепощенным. Вам ведь что сейчас необходимо? Перейти в новое состояние, так как прошлая ваша жизнь оказалась исчерпанной. А что этому мешает? Да то, что вы сосредоточены на своих проблемах. А их-то у вас и нет. Выдумки они вашего сознания, его фантомы. Я может, для того и появился тут, чтобы помочь вам осознать эту истину.

— А вы случайно не Воланд?

— Вы мне льстите, — отмахнулся Иванов. — Рад быть им, но увы. Еще не дорос. Был бы несказанно счастлив обладать такими возможностями, но кроме небольшого умишки, который мне бог при рождении даровал, никаких особенных иных дарований не имею. Но чувствуя по вашему виду, что малость засиделся, пора и честь знать. Хотя честно скажу, грустно мне вас покидать, уж больно была приятной беседа. Да и сказал я вам лишь малую толику того, что собирался сказать.

— Не могу сказать о себе, что я остался в восторге от нашего разговора.

— Да, — как бы удивился Иванов, — а я-то думал, что вы тоже остались довольны нашим общением. Ну, ничего, уверяю вас, что через

некоторое время вы по иному посмотрите на наш разговор. Жизнь постоянно меняет наше восприятие одних и тех же вещей. Вы не согласны?

Внезапно Иванов подхватил свой портфель и почти помчался к выходу. Еще через секунду он словно случайно залетевший порыв ветра исчез в дверном проеме. Несколько минут Герман задумчиво смотрел на то место, где только что сидел странный гость. Потом пожал плечами. Непонятная, даже загадочная встреча, он, Герман, так и не понял, зачем приходил этот человек. А потому самое разумное в этой ситуации — не думать больше о нем.

Ночью Герман спал беспокойно, ему снились какие-то кошмары. Но утром он никак не мог вспомнить, что за образа возникали в его мозгу. Он чувствовал себя растерянным и разбитым. Хотя вчера он и принял «историческое» решение не вспоминать о вчерашнем госте, мысли о нем почти не покидали его голову. Не было желания ничем заниматься, даже готовить себе завтрак не хотелось, хотя он был бы и не против чего-нибудь пожевать. Он подумал о том, что сегодня — первый день его отпуска, а он так и не решил, куда же все-таки отправится. Надо спуститься вниз, каждый день в почтовый ящик кидают по несколько рекламных газет с предложениями посетить мир. Морщась от неприятных ощущений в теле, он поплелся к

выходу из квартиры.

Из почтового ящика, куда он не заглядывал несколько дней, Герман выгреб целый ворох газет и каких-то рекламных буклетов. Внезапно из этой пачки вывалился конверт. Он поднял его, на нем крупными буквами, как обычно пишут для малограмотных, было выведено «Господину Герману Фалину».

Конверт Герман вскрыл дома, несколько раз перечитал послание, пока окончательно не убедился, что он не грезит наяву.

«Уважаемый Герман Эдуардович!

Имею честь пригласить вас на несколько недель (срок целиком зависит от вас) погостить в моем доме. Он расположен на берегу Черного моря, поэтому там есть все возможности для полноценного отдыха. Вы получите возможность совмещать принятие морских и солнечных ванн с беседой с приятными людьми, которые там соберутся. (К ним я ни в коей мере не отношу самого себя.) Если вы окажете мне честь и примите мое приглашение, то на ваше имя в вашем отделении Сбербанка открыт счет для оплаты дорожных расходов. Осмелюсь так же обратиться к вам с еще одной просьбой: если вы соберетесь в дорогу, то перед отъездом не сочтите за труд телеграфировать мне о времени вашего прибытия. В этом случае я смогу прислать за вами машину.

Мой адрес...

С глубоким уважением

Марк Шнейдер»

Нет, этого не может быть, чтобы один из самых известных писателей мира прислал ему приглашение провести у него в гостях отпуск. Сколько людей мечтают узнать об его местопребывании, сколько самых разноречивых и фантастических слухов ходят о том, где он скрывается. А он-то оказывается живет в Крыму, где-то судя по адресу, недалеко от Судака. Что тут говорить, неплохое же местечко он для себя выбрал.

Хандра мгновенно слетела с него. Он немедленно пойдет в Сбербанк, снимет эти деньги, а затем помчится покупать билет на самолет. Герман почувствовал, как от такой фантастической перспективы у него даже начинает кружиться голова.

В сбербанке на его имя был действительно открыт счет, причем положенная на него сумма значительно превосходила ту, что была необходима для того, чтобы заплатить за перелет в Симферополь. Все это выглядело несколько странным; Марк Шнейдер, узнав, что он написал о нем книгу, вполне может пригласить его к себе, но почему он оплачивает его проезд. Делает это он специально для него, Германа, или это у него такая

манера, и он всем своим гостям возмещает дорожные расходы? Но с этим вопросом он разберется потом, на месте. Сейчас же ему хочется только одного — поскорее сесть в самолет.

В авиакассе проблем с билетом не было, он хотел купить его на ближайший рейс, но внезапно вспомнил, что сегодня должна прилететь из Англии Анжела. Перед отлетом он должен непременно встретиться с ней, иначе рискует, что дочь совершенно отвыкнет от отца. Поэтому вечером он отправится в новый дом жены, а завтра улетит. Ему до чертиков надоел этот город, и он с огромным удовольствием расстанется с ним на некоторое время.

Почему-то он немного волновался перед встречей с дочерью. У него было такое ощущение, как будто он шел к человеку, с которым был некогда знаком, но затем потерял с ним контакт. И вот теперь его приходится восстанавливать едва ли не с нуля.

Дверь ему отворила Эльвира.

— Это ты, — удивилась она. — Не буду врать, не ждала, а потому и не очень рада.

— Я завтра улетаю, может быть, надолго, поэтому перед отъездом захотелось повидать Анжелу, — чувствуя, что он оправдывается и за это сердясь на себя, ответил Герман.

— Ну если ты уезжаешь, не могу тебе

отказать, — усмехнулась Эльвира. — Проходи, а то еще милицию приведешь, скажешь, что препятствую законным встречам. Только не пугайся, у нас в квартире полный кавардак, Андрей столько всего накупил в Англии, и мы еще не разобрали, что и куда.

Анжела с отрешенным видом сидела в гостиной с наушниками в ушах и, по-видимому, была целиком поглощена слушанием музыки. Она смотрела, как отец приближается к ней, не меняя ни позы, ни выражения лица. У него даже возникло ощущение, что хотя она и смотрит на него, но его не видит.

— Здравствуй, Анжела.

Она кивнула головой и с явной неохотой сняла с ушей наушники. Герман поцеловал ее, но так и не дождался ответного поцелуя.

— Я завтра уезжаю в отпуск, поэтому зашел проведать тебя.

Герман внимательно рассматривал девочку; за последние месяцы она сильно вытянулась, ноги стали длинными, а красивый импортный свитер уже слегка оттопыривала грудь. И вдруг к нему пришла странная мысль: а действительно ли она его дочь? Нет, с точки зрения биология тут у него сомнений нет, но кроме общих генов какие родственные узы соединяют их еще? Увы, он должен признать, что их остается все меньше и

меньше. И он даже не знает, куда все они исчезли с того самого момента, когда он осторожно словно бесценную хрустальную вазу нес маленькое, завернутое в одеяло, тельце из роддома в машину, а лежащее у него на руках существо смотрело на него бессмысленными, еще ничего не понимающими глазами. А теперь у этой девочки другая семья, другой отец.

— Да, папа, куда же ты уезжаешь? — без всякого интереса спросила Анжела.

— В Крым. Эльвира, — обратился он к подошедшей бывшей жене, — меня пригласил к себе Марк Шнейдер.

— Поздравляю, это событие, — сказала Эльвира.

— Я тоже так думаю. Он прислал мне приглашение и предложил провести у него отпуск. — В голосе Германа невольно пробилась плохо скрываемая им гордость.

— А ты как провела время в Англии? — обратился он к дочери.

— Отлично! — Анжела мгновенно оживилась. — Там было очень интересно. — Она стала рассказывать, что делала в Англии, как гуляла с Андреем по Лондону, какие магазины посетила и что там видела. С самого первого дня она называла мужа Эльвиры по имени, но сегодня в ее голосе прозвучали какие-то новые непривычно теплые

нотки. Они становятся все ближе и ближе, понял Герман, и он не может этому помешать. Что-то сдавило ему горло и так сильно, что несколько секунд он не мог говорить.

Дочь уходит от него вслед за женой к этому человеку. Несколько секунд они, не отрываясь, смотрели друг на друга, и вдруг что-то стало быстро меняться в лице девочки. Внезапно, увлекаемые общим порывом, они обнялись.

— Папа, — прошептала Анжела, уткнувшись ему в пиджак, — ты, пожалуйста, напиши мне оттуда. Я буду ждать твое письмо.

— Обязательно напишу.

Они еще так простояли, прижавшись друг к другу, несколько секунд, затем разомкнули объятия. Но, несмотря на порыв дочери, Герман не обольщался; то, что случилось, не более чем краткий, словно проливной дождь эмоциональный взрыв, отчуждение между ними только усиливается, новая ее семья все дальше уводит дочь от него. И у него нет никаких средств дабы хоть как-то приостановить этот процесс.

Эльвира позвала их пить чай, они сидели втроем на кухне, совсем как в недавние времена. Только кухня тогда была совсем иная, раза в четыре меньше этой, да и обставлена несравненно скромней. Анжела вновь слушала музыку, но все же иногда как-то смущенно поглядывала на отца,

словно хотела, но никак не решалась ему что-то сказать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Крым встретил Германа ослепительно голубым небом, желтым блеском дышащего зноем солнца и пропитанным ароматом южной растительности воздухом. Он всегда любил юг, хотя и не был тут уже несколько лет, так как все последние годы не мог позволить себе роскошь отправиться в столь дальнее путешествие. Сойдя с трапа самолета, несколько секунд он стоял неподвижно, наслаждаясь обступившим его теплом. Он вдруг ощутил какое-то необычное успокоение, он прилетел в мир, где отсутствуют уносящие покой проблемы, где нет изнурительной ежедневной борьбы с самим собой и с жизненными обстоятельствами, где нет вражды и зависти, где все дышит обещающей наслаждение и безмятежностью негой.

Он не представлял, кто и каким образом должен его встречать, в письме Марка Шнейдера об этом не было ни слова. Но сейчас это его мало заботило, почему-то им владела уверенность, что все решится само собой, и его непременно отыщут в этой огромной толпе пассажиров и без особых хлопот доставят на место.

И все же, когда он вышел из здания аэровокзала на привокзальную площадь, то невольно начал беспокоиться. Шли минуты, а он по-прежнему сиротливо стоял с сумкой в руках. Караваны машин и автобусов уезжали в сторону города, им же постепенно овладевало раздражение. А вдруг это был чей-то злой розыгрыш, мало ли у него недоброжелателей, которые даже не пожалели бы денег ему на билет, дабы заставить его оказаться в этой в нелепой ситуации. И странно, что до сих пор у него не возникала такая простая и естественная мысль, он как-то сразу и безоговорочно поверил в то, что его действительно приглашает Марк Шнейдер. Во истину человек верит только в то, во что хочет верить.

— Герман Эдуардович, рад вас видеть в добром здравии, — услышал он чей-то смутно знакомый голос. — Как добрались?

Герман обернулся и замер от изумления — перед ним, широко улыбаясь, стоял Иванов.

— Не ожидали меня увидеть. Я так и предполагал. Хотя я вам, кажется, говорил, что это не последняя наша встреча. Позвольте, я возьму ваш багаж.

Герман чувствовал, как столбик его настроения быстро, словно сани с горки, катится вниз. Меньше всего ему хотелось лицезреть в этом раю этого странного и малопонятного человека. Но

какое отношение он имеет к Марку Шнейдеру? Если имеет вообще? Но в таком случае, что он тут делает?

Иванов нес его сумку, Герман покорно следовал за ним. Они подошли к черной «Волге», Иванов сунул багаж в багажник, и открыл перед Германом дверцу, приглашая его занять место в салоне автомобиля. Сам же он сел за руль.

— Вы готовы начать свое путешествие? — осведомился Иванов. Герман неопределенно пожал плечами, и машина мягко тронулась с места.

«Волга» вырвалась из узких тисков города и легко побежала по шоссе. Несмотря на всю неприязнь к Иванову, он не мог ни отдать должное мастерству «своего шофера», который управлял автомобилем на узкой и петляющей асфальтовой ленте уверенно и спокойно.

— Никак не пойму, кем же вы все-таки являетесь? Или вы совмещаете множество занятий? — спросил Герман, испытывая сильное желание уколоть Иванова.

— Вам требуется определенность, чтобы чувствовать себя более уверенным, некое привычное расположение вещей в пространстве. А зачем?

По-моему, гораздо интереснее, когда есть какая-то тайна. Я могу быть шофером, могу быть бизнесменом. А могу быть преступником, которого

ищут по всей стране. А могу сочетать в себе все эти ипостаси. А могу быть кем-то еще, что вы даже себе и представить не можете. Вам это кажется странным, ну а вдруг мне нравится быть всеядным. И вообще, у вас не совсем верное понимание, что такое бизнес? Вы смотрите на этот вопрос, как и подавляющее большинство людей, слишком вульгарно. Бизнесмен — это вовсе не тот человек, который делает деньги, это тот, кто создает новую сущность. В бизнесе самое важное — привести в движении некий процесс. Поэтому даже мыслитель, в чьей голове рождается новая философская система, тоже в некотором смысле бизнесмен. По крайней мере, я придерживаюсь именно такой точки зрения. А вы считаете по-другому?

— В таком случае в мире получается чересчур много бизнесменов.

— А вот с этим утверждением, дорогой Герман Эдуардович, я решительно не могу согласиться. На самом деле их очень мало. Я бы даже сказал просто мизерное количество. Большинство людей не в состоянии создать ничего нового, они лишь способны воспроизводить бесконечное число раз то, что сделали до них другие.

— Но раз вы относите себя в том числе и к бизнесменам, то значит, вы сотворили что-нибудь новое?

— Ну, это как посмотреть. Я бы так охарактеризовал свою скромную роль в мировой истории: я обслуживаю тех, кто создает новое. Покаюсь перед вами, мне не достает собственного творческого потенциала.

— Я вижу, вы весьма самокритичны.

— Уверяю вас, что скоро вы тоже будете самокритичными.

— С вашей помощью?

— В том числе и с моей. Не сочтите это за критику, но, как я успел заметить, вам как раз не хватает этого качества. Самокритичность позволяет освобождаться человеку от иллюзий о значительности и важности собственной персоны, не носится с ней, как с писанной торбой. А вот вы этим как раз и больны. Думаю, что в ближайшее время вам придется серьезно поработать над собой, изменить многие представления о себе.

— И где же я буду их менять?

— Как где? — удивился Иванов. — У Марка Шнейдера, конечно, мы же едем туда.

— И каким образом я буду работать над собой? Мне дадут в руки мотыгу, чтобы я обрабатывал виноградники или мастеров, чтобы я складывал кирпичи?

— Ну что вы, вы для столь полезного труда абсолютно непригодны. Вы же привыкли заниматься чем-то совершенно бессмысленным, вы

привыкли заботиться исключительно о себе. Какой уж тут виноградник, какая стена, оставьте это занятие другим. Да и у Марка Шнейдера нет виноградника.

— А вы его хорошо знаете?

— Знаю, а вот хорошо ли? Это уж как посмотреть. Вроде бы знаешь человека досконально, а он такое отмочит, что только диву даешься. Да что я вам объясняю такие банальные вещи.

Только сейчас впервые за всю дорогу Герман подумал о том, что он так и не знает точно, куда они все же направляются. Машина продолжала мчаться по дороге, только окружающий их пейзаж поменялся. Плоский диск равнины остался позади, и теперь они со всех сторон были окружены отвесными глыбами скал, которые разделяла узкая полоска шоссе.

— А могу я все-таки узнать, куда мы едем?

— Ну, конечно же, простите великодушно за мою оплошность, я должен был вам это рассказать с самого начала. Мы едем в одно замечательное место, оно расположено между Судаком и Новым Светом. Уверяю, вам там очень понравится. Ничего красивее в своей жизни я не видел. У вас будет время познакомиться с окрестностями, и не сомневаюсь, что вы согласитесь с моим мнением. Я даже заранее завидую вам, встреча с подлинной

красотой всегда волнует. Впрочем, могу вас обрадовать, мы уже почти приехали.

Автомобиль стал спускаться вниз. Впереди в просвете между горами неожиданно засияла голубая гладь моря. Вскоре показались железные ворота. Иванов вышел из машины и отворил их. Затем они въехали во двор.

Герман находился посреди обширной поляны. На одной ее стороне стоял большой двухэтажный особняк, даже скорее дворец. Вид у него был довольно обшарпанный, штукатурка во многих местах обсыпалась, бесстыдно обнажив темно-красный кирпич. Когда-то фронтон дома был украшен барельефами, теперь от них остались только небольшие фрагменты и что они изображали было уже не разобрать. Впрочем, далеко не все веяло духом запустения, рядом со зданием росло ветвистое дерево, под ним была разбита клумба, на которой ярко пламенели гладиолусы, тут же стояли несколько стульев и стол. Другую сторону поляны окаймлял небольшой лес или парк. Где-то совсем рядом шумело море, и Герман внезапно ощутил волнение; ему захотелось немедленно взглянуть на него. Но в этот момент из дома вышел пожилой невысокий мужчина, и у Германа учащенно заколотилось сердце; он сразу же узнал Марка Шнейдера, хотя до этого видел его только на фотографиях. На них у него была густая слегка

волнистая шевелюра; у приближающегося же к нему человека была большая круглая, как монета, лысина и только по бокам головы еще сохранились небольшие реликтовые островки растительности. Одет он был в майку не первой свежести и в шорты, открывающие для обозрения немного кривые, но зато густо заросшие волосами ноги.

— Здравствуйте, Герман Эдуардович, — поздоровался он. — Добро пожаловать к нам на «остров». Так я называю эти свои владения. Рад вас видеть. Вы даже не можете себе вообразить, какое вы доставили мне удовольствие, когда приняли мое приглашение. Вот Никита Петрович не даст соврать. Между прочим, таким я вас и представлял. — Руки мужчин соединились, и Герман почувствовал в своих ладонях мягкую ладонь знаменитого писателя.

Герман видел, что Марк Шнейдер откровенно изучает его, ему хотелось произвести на него самое благоприятное впечатление, но что для этого надо сделать, он не представлял. Более того, пристальный взгляд писателя сильно смутил его. Пока он летел, то много раз представлял их встречу, проигрывал ее словно пьесу акт за актом, заготовил целую кучу глубокомысленных реплик, но сейчас не знал, какую из них выбрать. Марк Шнейдер тоже больше ничего не говорил, только продолжал все смотреть и смотреть на него, и Герман чувствовал

себя каким-то на редким экспонатом на выставке, перед которым постоянно толпится народ.

— Совсем забыл вас спросить, как добрались, все было ли хорошо? — вдруг поинтересовался Марк Шнейдер. — Я волновался, не будет ли каких-нибудь задержек.

— Спасибо, но все прошло нормально. «Надо что-то спросить о деньгах» — подумал Герман.

— Ну, вот и отлично. Знаете, как говорят, хорошее начало — половина дела. У вас есть несколько часиков для отдыха. Сейчас вам покажут ваши апартаменты, где вам предстоит жить, мы попытались учесть ваши вкусы и предусмотреть все, что вам может понадобиться во время вашего пребывания тут. А вечером торжественный ужин в честь вашего прибытия.

Ровно в восемь. У нас правило — не опаздывать. Поэтому прошу вас, уважьте старика, не задерживайтесь.

— Я постараюсь, — несколько обескураженный от столь суровых правил пообещал Герман.

Но Марк Шнейдер его уже не слушал, неожиданно он быстро развернулся и направился обратно к дому.

Судя по всему, заботиться о Германе была поручена Иванову, тот подошел к нему, неся его сумку в руке, и попросил следовать за ним. Вместе

они вошли в дом.

Теперь Герман оказался в просторном зале, потолок которого по углам поддерживали колонны. Стены его были разукрашены барельефами. В отличие от тех, что на фронте, к этим судьба оказалась более милосердной, и они хорошо сохранились. На противоположной от входа стене была высечена надпись, в которой еще кое-где задержалась позолота.

«Строгая постоянная справедливость царствует в мире повсюду. Каждое дело приносит свой плод, и ничто не может спасти человека от последствий его поступков. Ни в отдалении неизмеримого мирового пространства, ни в пучине моря, ни в глубине горных пропастей не найдешь ты места, где бы мог избежать последствий своих поступков». Дхаммапада.

— Не правда ли любопытная надпись, — сказал Иванов. — Хотя я ее знаю наизусть, но всякий раз, когда я здесь оказываюсь, то непременно читаю это изречение. Есть вещи, которые надо напоминать себе снова и снова. Мне кажется, что и вам отныне стоит делать то же самое, эти слова имеют самое прямое отношение к вам.

— Не вижу в них ничего особенного, никогда не сомневался в существование причинно-следственных связей. А что такое

Дхаммапада?

— Это собрание изречений Будды. Что же касается, как вы выразились, причинно-следственных связей, то поверьте моему опыту — людям лишь кажется, что они понимают эту взаимозависимость. На самом же деле они только тем и заняты, что пытаются опровергнуть их наличие. Например, грешат и надеются избежать последствий своих грехов. Покажите мне того, кто желает отвечать за свои поступки. Говорят об этом, конечно, все, бьют себя в грудь так, что синяки выступают, но на практике мы все время стараемся сделать все возможное, чтобы другие расхлебывали бы последствия наших деяний. Разве не так?

Герман предпочел не отвечать, философские трюизмы Иванова утомляли его все больше и больше. Если этот человек будет все время крутиться вокруг него и изливаться на него мутные бесконечные потоки своего красноречия, то отдых окажется наполовину испорченным.

Они поднялись по лестнице, и пошли по длинному коридору. Под ногами, словно жалуясь на свой солидный возраст, старчески кряхтели половицы. Иванов подошел к одной из дверей, достал ключ и вставил его в сухо щелкнувший замок.

— Вот ваши апартаменты, смотрите, располагайтесь, — торжественно провозгласил

Иванов.

Комната была не очень большой, но понравилась Герману с первого взгляда. У одной из стен стояла большая двуспальная кровать, у другой — тумбочка с телевизором и видеомagneтофоном. Рядом находился письменный стол, Герман с удивлением увидел, что на нем находится компьютер. Над ним была прибита книжная полка.

— Мы специально готовили комнату к вашему приезду, — пояснил Иванов. — Не так-то просто учесть вкусы и потребности другого человека. Особенно такого, как вы. Вот эта двуспальная кровать на тот случай, если вам вдруг не захочется проводить ночь в одиночестве. Так что будет не тесно, — хихикнул Иванов. — А вот тут видеотека, я так подумал и решил, что больше всего вам захочется смотреть эротику. По моим наблюдениям юг располагает именно к таким зрелищам. Ну а компьютер это для того, если у вас появится желания что-нибудь посочинять, если вас так сказать одолеет творческий зуд. А вот тут библиотечка, есть кое-что философское для размышлений. А если захочется отдохнуть, то пожалуйста, детективы. Все очень интересные, лично все сам прочитал. Так что можете не сомневаться.

— Я и не сомневаюсь, — хмуро произнес Герман.

— А вот тут отдельно — книги Бодхисатвы.

— Кого? — не понял Герман.

— Ах, да, вы еще не знаете, так тут у нас обычно зовут Марка Шнейдера. Вы тоже со временем так станете его называть. А теперь посмотрите, пожалуйста, сюда. — Иванов подошел к платяному шкафу, распахнул дверцы, и Герман с изумлением обнаружил, что там висит фрак.

— А это еще зачем?

— Такой порядок, на ужин все приходят в вечерних туалетах. Женщины в соответствующих платьях, ну а мужчины — в фраках. Вы уж извините, что пришлось шить без примерки, но портной уверял, что он придется вам впрок. Сегодня утром как раз доставили его.

— Доставили, но откуда?

— Как откуда? Из Москвы. Здесь никто не умеет шить хороший фрак. Что поделать, провинция. Он прилетел на том же самолете, что и вы.

— Это все сюрпризы?

— Пока все. Вы помните, ужин ровно в восемь. Впрочем, на первый раз я за вами зайду. А пока у вас есть немного времени, побродите по окрестностям, окунитесь в море. Но сначала я вам посоветую, примерьте фрак, одежда для вас непривычная, так что мало ли чего. А я с вашего разрешения удаляюсь.

Наконец Герман остался один. Он сел на широкую кровать и перевел дух. Куда же он все-таки попал? И правильно ли он сделал, что принял это приглашение? Он еще в Москве должен был догадаться, что оно дело рук Иванова. И к нему он пришел вовсе не для того, чтобы предложить ему свою помощь, а чтобы разведать, как он живет, что из себя представляет. Вот только непонятно, зачем все это делается? А вдруг и никакого Марка Шнейдера тут нет, а его, Германа, используя это имя, просто заманили в ловушку. А тот человек лишь выдает себя за него. Вот только непонятно с какой целью? Но как бы то ни было, он здесь и ему ничего другого не остается, как только ждать, что последует дальше, какие неожиданности его ждут еще. А пока...

Герман встал с кровати, подошел к шкафу, отворил дверцы и несколько мгновений смотрел на фрак. Иванов прав: весьма непривычное для него одеяние, особенно если учитывать, что он собирался тут разгуливать в основном в плавках или в лучшем случае в шортах.

Герман смотрел на себя в зеркало и не узнавал себя. Как все-таки одежда меняет человека. Вот бы на него в этом торжественном наряде посмотрела бы Эльвира, нет сомнений, что он бы ей понравился; она любит хорошо одетых мужчин. Хотя в Москве он бы скорее смотрелся во фраке

нелепо. А здесь?

Герман снял фрак и облачился в свою обычную одежду. До ужина еще оставалось время, и он решил посвятить его осмотру окрестностей. Он вышел во двор и направился туда, откуда доносился шум волн.

Тропинка привела его к небольшому пляжу покрытому ковром из мелкого каменистого песка. Герман находился в небольшой бухте в форме полумесяца. Но больше всего его удивил цвет воды; он менялся каждые десять метров. У берега она была аквамариновой, но чем дальше отдалялась от него тем больше темнела. Герман разделся и бросился в море. Герман был неплохим пловцом и сейчас получал огромное удовольствие от купания. Внезапно он почувствовал сильный прилив воодушевления; и чего он так разволновался, испытывал едва ли не сожаление, что оказался здесь.

В конце концов, черт с этим странным Ивановым, что он не сумеет от него отделаться. Он должен думать совсем о другом, он на юге, он в гостях у Марка Шнейдера — и все будет хорошо.

* * *

Часы показывали без пяти восемь. Герман стоял перед зеркалом и внимательно разглядывал

свое облагороженное фраком отражение. Он волновался, сейчас произойдет его первая настоящая встреча с Марком Шнейдером, он увидит человека, который столько значит в его жизни. И где этот чертов Иванов, который обещал зайти за ним. И в это мгновение, словно сработала телепатическая связь, дверь отворилась, и на пороге появился Иванов. Своими узкими прищуренными глазами он внимательно оглядел Германа.

— Вы и не представляете, как же вам идет фрак, Герман Эдуардович. Есть люди, которые прямо родились для него. Вы как раз из их числа. У вас в роду случайно не было аристократов? Впрочем, что я спрашиваю, знаю, что не было.

Ему, кажется, известна вся моя родословная, подумал Герман. Впрочем, он не особенно удивится, если вдруг обнаружится, что Иванову известно о нем не только имена и социальное происхождение его предков, но и многое другое.

— Все уже собрались, ждут только вас. Все жаждут с вами познакомиться. Не волнуйтесь, все будет хорошо. Позвольте-ка, я уберу это сориночку с вашего плеча. Вот теперь все замечательно. — Иванов снова с ног до головы оглядел Германа, не скрывая, что любит его статью.

Они спустились вниз и оказались в том самом зале с буддийским изречением. Полчаса назад, когда Герман, возвращаясь с пляжа, поднимался в

свою комнату, здесь еще ничего не было. Сейчас же всю его середину занимал большой обеденный стол, по обе его стороны сидело несколько человек. Возле каждого из них горела свеча. Во главе его словно на председательском месте восседал сам Марк Шнейдер.

— Позвольте, уважаемые господа, представить вам нашего дорогого гостя и я надеюсь что теперь и друга Германа Эдуардовича Фалина, — торжественно проговорил Марк Шнейдер. — Садитесь вот сюда, — указал он на пустой стул. Отныне это место ваше.

Отведенное ему место находилось по правую руку от Марка Шнейдера. Герман сел на стул и стал внимательно рассматривать присутствующих.

— Позвольте, я вам представлю тех, кто разделяет нашу трапезу, — продолжал Марк Шнейдер. — Прямо напротив вас мисс нашей маленькой кампании Ольга Владимировна Добровольская, она замечательный врач из Санкт-Петербурга, которая любезно взяла на себя заботу о моем здоровье. А вот это две наши очаровательные девушки, одну зовут Аня, другую — Женя. Они студентки и очень похожи друг на друга, почти как близнецы. Но уверяю вас, они не сестры и даже не родственники. Здесь мы имеем дело с игрой случая.

Герман взглянул на девушек, они

действительно были чем-то неуловимы похожи друг на друга. Обе были очень хорошенькими, обе одинаково причесаны, обе одеты в одинаковые черные вечерние платья. Однако утверждение Марка Шнейдера о том, что они напоминают двойняшек, было большим преувеличением. Впрочем, долго рассматривать их, у него не было времени.

— А этого молодого человека мы зовем Жоржем, — указал Марк Шнейдер на красивого высокого молодого человека с торсом атлета, облаченного, как и Герман, во фрак. Мне бы очень хотелось, чтобы вы подружились. — Ну а с нашим уважаемым Никитой Петровичем, вы уже хорошо знакомы. Интересно было бы знать, какого вы о нем мнения?

— Никита Петрович, очень необычный человек, он не перестает меня удивлять.

— Вы молодец, очень верно схватили его сущность. Удивлять — это его призвание. Уверяю вас, он еще не раз вас удивит. Уж он у нас такой.

Пока продолжался церемониал представления, Герман то и дело возвращался взглядом к сидящей напротив него молодой женщине. Ее нельзя было назвать уж очень красивой, но ее лицо, словно магнит, притягивало к себе каким-то своим особым незабываемым выражением. В ее тонком и прямом носе, в разлете бровей, в четком рисунке рта

ощущалось благородство породы, выведенная благодаря долгой селекционной работе многих поколений предков. Такая внешность просто не могла принадлежать ординарному человеку, и Герман почти сразу же уверовал в ее необыкновенность. И почувствовал сладостное волнение от предвкушения чего-то еще неизведанного.

— Ну, вот мы все познакомились, можем начинать ужин.

В зал, тихо ступая, вошла пожилая женщина с подносом и поставила перед каждым тарелку с едой.

— Жорж, в честь нашего гостя возьмите на себя миссию виночерпия, налейте каждому вина, — попросил Марк Шнейдер.

Красавец-Жорж, как мысленно окрестил его Герман, встал со своего места и вальяжными, но в то же время точно выверенными движениями, стал разливать вино по бокалам.

Марк Шнейдер, держа бокал в руке, встал, вслед за ним поднялись со своих мест и остальные присутствующие.

— Предлагаю выпить бокал за нового участника нашей игры. Да простят меня за банальность, но куда деваться от них — жизнь — это не что иное, как игра. И тот, кто этого не понимает, обречен на безнадежную борьбу с

судьбой. Хочется надеяться, Герман Эдуардович, что вам понравится здесь играть вместе с нами. Вы еще не знаете, зачем сюда приехали, но, может быть, нам удастся кое-что сделать для того, чтобы, покидая нас, вы бы более ясно представляли подлинный смысл вашего пребывания тут. И я хочу выпить за то, чтобы наш дорогой гость успешно прошел бы сквозь все испытания, что выпадут на него.

Тост был довольно странный, и взгляд Германа рассеяно переходил от одного лица к другому. Его глаза соприкоснулись с глазами молодой женщины; она смотрела на него внимательно и испытывающе. Ему даже показалось, что она хочет не то что-то ему сказать, не то о чем-то предупредить. И в самом деле, учитывая то, что здесь творится, это было бы весьма нелишне.

Все дружно, словно по команде, выпили, и вновь сели на свои места.

— Теперь, я полагаю, что выражу единодушное мнение о том, что нам пора поближе познакомиться с нашим дорогим гостем, — снова заговорил Марк Шнейдер. — Никита Петрович, вы единственный, кто знает его хорошо, не расскажите нам о нем.

— С большим удовольствием, — улыбаясь, проговорил Иванов. — Должен вам сказать, что я

не только успел хорошо узнать Германа Эдуардовича, но и полюбить его. Это очень достойный, хотя и не лишенный небольших недостатков человек. И я нисколько не сомневаюсь, что он станет украшением нашей маленькой и дружной компании.

— Никита Петрович, вы как всегда излишне многословны, — с укоризной произнес Марк Шнейдер. — В том, что Герман Эдуардович станет украшением нашего общества, ни у кого из нас нет никаких сомнений. Вы нам говорите по существу.

— Уж простите великодушно, такой я человек, если кто-то мне симпатичен, то не могу не отдать ему должное. Так что вам рассказать о Германе Эдуардовиче? Это, безусловно, талантливый человек. Эту истину я понял, даже еще не зная его. Знакомство с его книгой и некоторыми статьями убедило меня в том, что он обладает ярко выраженной способностью к самостоятельному мышлению. Правда за определенные рамки его мысль не выходит, но и мыслящий человек даже в узких рамках — в наши дни тоже немалая редкость и большая ценность. Беда Германа Эдуардовича в другом, в том, что он свой большой талант ставит на службу своим маленьким амбициям. Он совершает ошибку, которые совершали до него массу молодых честолюбивых людей: ему кажется, что личный успех, деньги, известность гораздо

более цены, чем сам результат его исследований. И если в итоге всех его усилий он не получает ничего из этого банального набора, то он считает, что труд выполнен им напрасно. Конечно, такой взгляд не может не отражаться на всей его жизни, более того, именно по этой причине она и идет наискосок. Герману Эдуардовичу представляется, что все его несчастья происходят от того, что ему никак не удается достичь поставленных целей, но стоит ли говорить, что на самом деле они плод неверно выбранной жизненной установки, которая нацеливает его исключительно на мимолетный успех. Вот потому-то он и чувствует себя несчастным и обделенным.

— То есть если я тебя правильно понял, Никита Петрович, — вставил реплику Марк Шнейдер, — то у него классический комплекс неудачника.

— Совершенно правильно, Бодхисатва. Именно классический комплекс. Он ищет признания у людей, которые изначально не желают его признавать, так как во-первых, мест для признанных всегда мало, а во-вторых, он превосходит этих людей своим талантом, чего они не могут ему простить. Герман Эдуардович все это хорошо понимает, но так как изменить ситуацию не в силах, то продолжает упорствовать в своем желании получить признание у тех, кто никогда не

признает его. Вот он и чувствует себя как бы постоянно униженным.

— С этим как будто, Никита Петрович, все более или менее понятно. А как у него складываются отношения с женщинами? — оживляясь, поинтересовался Марк Шнейдер.

— С большим сожалением должен констатировать, что и в этой деликатной сфере у нашего героя немало проблем. Учитывая несравненное обаяние Германа Эдуардовича, женщины не обходят его своим вниманием. Но истинная суть дела в том, что сам он чувствует себя весьма неуверенно с ними, и любой успех воспринимает, как победу. Поэтому он привязывается к женщине не столько потому, что она ему очень нравится, а потому, что не уверен, что найдет ей замену. Отсюда его пристрастие к женщинам легкого поведения. Я, конечно, говорю не о проститутках, но о тех, кого можно получить скажем так без больших усилий. Такая ситуация так же приводит к тому, что подчас он вступает в контакты с женщинами, которые ему не слишком по душе. Ну а чтобы как-то компенсировать этот свой комплекс, он разыгрывает в отношении уважаемых представительниц прекрасного пола роль циника, причем делает он это не столько перед ними сколько перед самим собой. Это обстоятельство свидетельствует о том, что он

весьма ранимый человек и использует цинизм как броню. Ему приходится ей прикрывать свое большое самолюбие. Хочу обратить всеобщее внимание на тот факт, что в последнее время под влиянием некоторых событий оно стало еще более уязвимей. Поэтому мы должны проявить с нашей стороны предельную деликатность.

— Да уж, пожалуйста, господа, — вмешался Марк Шнейдер, — убедительно прошу вас, не забывайте ни на минуту об этом обстоятельстве. Я надеюсь, что вы помните наше святое правило, — быть чутким к человеку. Продолжайте, Никита Петрович.

— Собственно я закончил. Стоит ли говорить, что я рассказал о Германе Эдуардовиче далеко не все, но, думаю, что и этого поверхностного наброска вполне достаточно для того, чтобы оценить его замечательные человеческие качества. Теперь он слава богу среди нас, что нам очень приятно, и каждый имеет счастье непосредственно познакомиться с ним лично.

Все это время пока Иванов выворачивал изнанку его души, Герман мучительно решал вопрос: как он должен поступить в подобной ситуации. То, что сейчас происходило, по его мнению, иначе как надругательством над его человеческим достоинством назвать было нельзя. На каком основании они обнажают то, что он

скрывает подчас даже от самого себя, кто дал им права вот так поступать с ним? И что он должен в связи с этим предпринять? Немедленно вскочить и прекратить это неприкрытое издевательство? Или просто встать и, ничего не сказав, уйти с гордо поднятой головой. А на следующий день просто уехать из дома, где таким странным образом понимают законы гостеприимства.

Внезапно он поднял голову и встретился с глазами сидящей напротив молодой женщины. Ему вдруг стало стыдно перед ней, что же она думает о нем, слыша все эти живописные описания его жизни. И все же какой все-таки мерзавец этот Иванов, не даром он ему так не понравился с самого начала. Да и Марк Шнейдер не намного лучше, если он поощряет такое отношение к своему гостю.

— Мне кажется, что вы немного смущены поведением Никиты Петровича, — проговорил Марк Шнейдер. — Я вам хочу сказать, что человек не должен стесняться самого себя. Какой он есть, таким он и должен казаться. Быть реальным во всем — это самое интересное, что может быть. Поверьте мне, те комплексы, от которых вы страдаете, существуют у каждого из здесь сидящих. И в них нет ничего необычного или тем более позорного, современный человек буквально пропитан ими, как губка водой. Вся разница лишь в их наборе и в

соотношении; у одного выпирают одни изъяны, у другого — иные. И к этому надо относиться как можно проще, только тогда появляется возможность избавиться от комплексов. Пока они не осознаны, они остаются непобедимыми. И кроме того, не вы один подверглись такому критическому разбору, через это испытание прошли здесь все.

— Это точно, — вдруг громко рассмеялся Жорж. — Меня тут раздели аж до трусов. Сначала, когда я все это слушал, хотелось перебить посуду, а потом, когда чуть поостыл, стало даже интересно. Не так уж плохо знать о том, почему я так поступаю, а не иначе. Мой тебе совет, Герман, не тушуйся. Ну что из того, что мы кое-что узнали о тебе, так это всем нам на пользу, будем знать, как себя вести с тобой. Если ты что-то захочешь узнать обо мне, то спрашивай в любое время. Мне, например, понравилось, что тут о тебе говорили, нормальный мужик — вот и все, что я понял. Главное — не комплексуй.

— Очень мудрые слова произнес наш друг Жорж, — усмехнулся Марк Шнейдер. — Я даже от него не ожидал услышать такие глубокомысленные речи. А может быть, что-нибудь скажет наша несравненная мисс этого «острова»?

Герман перевел взгляд на молодую женщину.

— Я понимаю чувства Германа Эдуардовича, с первого раза трудно привыкнуть к таким

откровенным высказываниям. Мне кажется, что ему будет легче справиться со своими ощущениями, если я покажу ему видеозапись того, как обсуждали меня.

— Умница, — одобрил ее намерение Марк Шнейдер.

Герман взглянул на Ольгу и почувствовал к ней прилив благодарности. Это было то решение, которое до некоторой степени успокаивало его, примиряло с происходящим. Правда в таком случае получается, что обсуждение его комплексов так же фиксируется на пленку, что вряд ли может способствовать улучшению его настроения. Интересно, кому и когда будет показан этот замечательный фильм. Он оглядел просторный зал, но не заметил, чтобы откуда бы на него смотрел зоркий и беспощадный глазок видеокамеры. Ладно, черт с ними, он не будет сейчас об этом больше думать. Тем более к некоторому своему удивлению, несмотря на выпавшее на его долю сильные переживания, у него разыгрался зверский аппетит.

Еда оказалась очень вкусной, и он быстро расправился со стоящими перед ним блюдами. К его облегчению больше ничего особенно любопытного за столом не происходило, разговор хотя и был оживленным, но вертелся вокруг самых обычных тем. Чаще и громче всего звучал зычный голос Жоржа, который активно обсуждал

сегодняшнее путешествие по окрестным горам, которое он предпринял совместно с Ольгой. Герман смотрел то на него, то на нее, пытаясь проникнуть в тайну их отношений.

Все та же пожилая женщина, все теми же неслышными шагами принесла мороженое, и у Германа затеплилась надежда, что на сегодня запас сюрпризов и неожиданностей исчерпан. Свечи догорали, новых же никто не приносил, и зал все увереннее захватывала темнота. Наконец трапеза завершилась, и все встали со своих мест.

— Герман Эдуардович, — вдруг догнал Германа голос Марка Шнейдера, — вы, наверное, еще не успели узнать о некоторых наших традициях. Если вам хочется позаниматься любовью с одной из находящихся здесь милых дам или сразу с несколькими вы можете пригласить их к себе, и никто не вправе вам отказать.

Герман застыл на месте. Что это очередной их фокус или на самом деле у них существует такое правило? И если это так, то что делать ему? Он вдруг ощутил сильный прилив желания, и его взгляд, словно стремительный вихрь, невольно пронесся по лицам женщин.

— Очень удобное для нас мужчин правило, — усмехнулся он, решив что в данной ситуации лучше всего защититься щитом иронии. — Я непременно как-нибудь им воспользуюсь. Но сегодня мне выпал

тяжелый день, я после дороги и хотелось бы поспать в гордом одиночестве.

— Конечно, я понимаю вас, тем более это всего лишь возможность, которой вам вовсе не обязательно пользоваться. Правда, боюсь, что если вы будете ею злоупотреблять, то наши девушки могут остаться несколько разочарованными. А теперь всем спокойной ночи, — сказал Марк Шнейдер и направился к выходу из зала

* * *

Герман проснулся с головной болью. Вечером, возвратясь в свою комнату, он достал из бара бутылку коньяка и хорошо к ней приложился. Он чувствовал, что находится на грани нервного срыва, и чтобы хоть как-то немного успокоиться ему срочно потребовалось сильнодействующее лекарство. Его не отпускала мысль о том, что для него будет лучше всего, если он как можно скорее уберется прочь из этого странного места, где творится невесть что. И черт с этим великим Марком Шнейдером, жил он без знакомства с ним всю жизнь, обойдется без него и в оставшиеся ему годы. Разве не ясно, что и он и все, кто находятся здесь, сумасшедшие. Достаточно вспомнить об Иванове, чтобы не оставалось больше никаких сомнений о том, каков истинный диагноз этих

людей. Иначе, как они могут переносить эти издевательства да еще находить в них удовольствие. А то, что на первый взгляд они не кажется таковыми, то это ничего еще не означает; говорят, что в некоторых психушках устраивают выставки картин их пациентов и что там даже встречаются вполне приличные работы. Но это не делает их авторов нормальными людьми.

Но это было вечернее настроение, сейчас же утром уезжать ему уже так сильно не хотелось. Он лежал на кровати и через полуоткрытое окно видел ослепительное голубое без единого пятнышка облаков небо, молча слушал, как влетает в комнату шум моря.

Раздался стук в дверь, Герман крикнул «Войдите», и в комнату вошла своими тихими шагами та женщина, что прислуживала за столом во время ужина.

— Все уже поели, поэтому Бодхисатва распорядился принести вам завтрак сюда, — сказала она, ставя на стол, уставленный посудой поднос.

— Приятного вам аппетита.

— Спасибо.

Женщина ушла, Герман встал и подсел к столу. Он действительно почувствовал сильный аппетит. Он ел и предвкушал, как сейчас отправится на пляж и окунется в ласковый

аквамарин воды. Ну а потом он уже решит, что ему делать дальше.

Дом казался вымершим, в зале, где вечером стоял пиршественный стол, теперь было снова пусто. Герман невольно посмотрел на высеченную на стене буддийскую мудрость, затем вышел на воздух и отправился по уже знакомой тропинке к пляжу.

К удивлению Германа пляж был перегорожен забором из проволоки. Он хорошо помнил, что вчера, когда он тут был, никакой изгороди не было и в помине. Он подошел ближе и увидел две крупных надписи по-русски и по-английски: «Нудистский пляж, вход в одежде категорически запрещен», «Обычный пляж».

Если на обычном пляже никого не было, то на нудистском собралась вся компания, кроме Иванова и Марка Шнейдера. Анна и Женя лежали в отдалении около кромки воды, у самой же границе двух пляжей рядом с забором расположились Ольга и Жорж. Увидев Германа, красавец-мужчина встал и приветливо замахал ему рукой. Как и положено нудисту, Жорж был совершенно голый, и Герман по достоинству оценил его фигуру атлета: разбросанные холмы мускулов по всему загорелому телу, широкие квадратные плечи и массивные, очень сильные ноги. Но больше всего внимания его привлек член Жоржа — похожий на толстую

длинную сардельку он вздрагивал при каждом движении его обладателя.

— Иди к нам, Герман — громко произнес Жорж, — на том пляже тебе будет одиноко.

«Опять ловушка, — заметалась мысль Германа, — здесь на каждом шагу его поджидает ловушка. Нет, пока не поздно отсюда надо уезжать».

Больше всего ему хотелось немедленно уйти с пляжа, но он прекрасно сознавал, что его уход будет слишком сильно напоминать бегство. А такое позволить он себе не может, он же понимает, что все внимательно наблюдают за ним, гадают, как он поступит в этой непростой ситуации. Ну что ж, в таком случае он покажет им, что может разгадывать и не такие ребусы, что может быть независим в своем поведении.

Герман прошел на тот пляж, где было дозволено пребывание в плавках, быстро сбросил с себя одежду и побежал к морю. Вода еще не совсем прогрелась, но Герман долго не выходил из моря; он надеялся, что пока он купается, вся эта нудистская компания сгинет со своего нудистского пляжа. Но нудисты, судя по всему расположились там надолго, никто из них не выказывал ни малейшего желания покинуть его. Герман внимательно наблюдал за ними, они же, казалось, не обращали на него ровным счетом никакого

внимания. Демонстративно не торопясь, разбрасывая вокруг себя плеяды брызг, он вышел на берег и улегся на теплый песок недалеко от линии раздела. Внезапно Ольга встала и развернулась к нему лицом, и Герман получил прекрасную возможность несколько секунд без всякой помехи разглядывать ее. У него невольно затрепетало сердце одновременно от восхищения и от вожделения; молодая женщина обладала великолепной фигурой. Даже Эльвира была не так хорошо сложена, как Ольга; груди у бывшей жены Германа тоже были большие, но чересчур тяжелые и потому немного отвислые; у Ольги же они были хотя и крупные, но словно два хорошо надутых мяча, упругие. Она направилась к морю, и эти мячики стали соблазнительно играть между собой. Чтобы скрыть охватившее его острое желание, Герман буквально втиснулся в песок. И он вдруг понял, что никуда не уедет, он останется здесь и будет добиваться любви этой восхитительной женщины.

Прошел уже час, а положение отдыхающих на пляже не изменилось, Германа от всех остальных по-прежнему отделяла металлическая проволока забора. Он понимал, что его поведение довольно глупо, но ничего поделать с собой не мог. Он вовсе не был чрезмерно стыдлив и все же вот так сбросить с себя плавки был сейчас не готов; может

быть, если бы он знал заранее, что тут сегодня проводится открытый день nudистов, то он бы психологически подготовил себя к тому, чтобы предстать перед всем честном народе в чем мать родила. Чтобы ни на кого не смотреть, он перевернулся на спину и устремил взгляд в небо. Если утром оно было ослепительно голубым, без единого пятнышка, то сейчас ближе к обеду по нему по-черепашьи медленно ползли большие и тучные, словно хорошо откормленные животные, сероватые тучи. Неожиданно его захватило это зрелище; оказывается это, может быть, невероятно увлекательным наблюдать за скольжением облаков по необъятным просторам пятого океана. В Москве к нему никогда бы не пришла даже мысль, что можно вот так ничего не делать, ни о чем не думать, глядеть вверх и чувствовать себя при этом счастливым.

Когда же Герман оторвал взгляд от неба и вернул его на грешную землю, то с удивлением обнаружил, что nudистский пляж пуст. Герман посмотрел на часы, приближался час обеда, он оделся и направился к дому.

Стол накрывали не в зале, а рядом с домом на поляне под раскидистым деревом. Германа удивило, что сервировать его женщине с неслышными шагами, которую, как уже он знал, звали Анастасия, помогал Иванов. Вся остальная

кампания расслаблено сидела рядом на шезлонгах и потягивала коку-колу.

— Присоединяйтесь к нам — пригласил Марк Шнейдер. — Он был одет только в шорты, его густые заросли на груди были почти сплошь седыми.

— Как провели утро? — поинтересовался он.

— Замечательно, купался, загорал. — Герман тоже занял один из свободных шезлонгов и взял стоящую на столе бутылку кока-колы.

— А мне тут поведали, что вы были на пляже в гордом одиночестве, ни с кем не общались, хотя рядом с вами находилось столько красивых девушек. Я уж не говорю о нашем замечательном Жорже, который вас даже зазывал к себе. Вот он не даст мне соврать, я сначала не поверил, что вы постеснялись снять плавки, находясь в таком ослепительном женском обществе. Да об этом мечтает каждый настоящий мужик. Я еще понимаю, если речь идет о девственнике, но у вас же было шесть женщин. Я не перепутал цифру, Никита Петрович.

— Семь, Бодхисатва, — отозвался Иванов.

«Не семь, а восемь, — не без злорадства мысленно поправил его Герман. — Значит, и у них не всегда бывают точные сведения. Слава богу, что они все же знают обо мне не все».

— Я не хотел снимать плавки, вот и не снял.

Или я уже не могу поступать так, как хочу. Или тут мои конституционные права не действуют? И моя стеснительность совсем ни при чем, просто я не люблю, когда меня к чему-то принуждают. Когда я сам захочу это сделать, можете не сомневаться, то сделаю непременно.

— Браво! — вдруг громко воскликнул Жорж. — Не правда ли хороший ответ, Бодхисаттва. Зачем ему снимать плавки, если он одинаково чувствует себя свободным, как в них, так и без них.

— Ты прав, Жорж, ответ действительно весьма достойный. Только все дело в том, что все, что нам только что сказал наш дорогой гость, неправда от первого слова и до последнего, вся его блестящая речь — это не что иное, как все тот же способ самозащиты. На самом деле ему очень хотелось присоединиться к вам, и никакой свободы в этот момент он не испытывал. Наоборот, он мучительно переживал свою несвободу, так как оказался не в состоянии сделать то, чего действительно желал сделать.

Теперь же после своих слов он стал несвободен вдвойне, так как во-первых, не сумел преодолеть свое смущение на пляже, а во-вторых, попал теперь в зависимость от собственной лжи. И отныне он будет вынужден отстаивать ее, как свой последний оборонительный редут, уверять всех нас,

что говорит правду. Потому что ложь — это нескончаемый пирог, который все наслаивается и наслаивается. Знаете, Герман, я вам советую набраться мужества сказать и себе и нам, что вы не смогли сделать того, что хотели. И тогда тут же почувствуете, что вам стало легче, что вы освободились от этой неприятной ноши.

Черт возьми, мысленно заметался Герман, опять угодил в ловушку. Конечно, старик прав, но как он, Герман, должен поступить? Может быть, в самом деле признаться?

— Мне нечего больше добавить к тому, что я уже сказал.

— Вы меня огорчили, — вздохнул Марк Шнейдер. — Впрочем, другого ответа я и не ожидал. Вам кажется, что ответив мне таким образом, вы нашли компромисс, на самом же деле вы запутались еще больше. Теперь вам придется разгрести третий завал. Но вам повезло, стол накрыт, поэтому с этим делом можно подождать.

Во время обеда к удовольствию Германа, разговор не касался больше этой неприятной темы. Казалось, все начисто забыли о нем и обсуждали какие-то свои малопонятные ему дела.

После трапезы все как-то очень быстро разбрелись кто куда. Марк Шнейдер исчез в доме, и Герман почувствовал разочарование; когда же этот неприятный старик объяснит ему, зачем он

пригласил его сюда и что означает весь этот спектакль и какие действия последуют дальше? А в том, что продолжение следует, Герман почти не сомневался, шестое чувство подсказывало ему, что это только еще пролог и в любой момент можно ожидать очередного подвоха. Однако пока все было тихо и спокойно, и Герман вдруг поймал себя на том, что не знает, чем заняться. На пляж возвращаться не хотелось, если только для того, чтобы доказать всем, что снять для него трусы — так же легко, как снять, например, рубашку или галстук. Но нет, демонстрировать это свое умение он сейчас не собирается, все поймут, что он делает это с целью доказать им, что в этом вопросе он так же свободен, как и они. А он не должен ничего доказывать, ведь только что он сказал, что разденется тогда, когда пожелает. А пока он этого не желает. Герман продолжал сидеть в шезлонге и уже без всякого восторга наблюдал за парусной регатой облаков. Внезапно он заметил, как из дома вышла Ольга и направилась в его сторону.

Она переоделась, вместо легких светлых брюк и майки теперь на ней был яркий сарафан с большим декольте и такой короткий, что лишь слегка прикрывал бедра. Она села рядом с ним и, положив ногу на ногу, закурила.

— Как вы тут себя чувствуете? — вдруг спросила она.

— А как я могу себя чувствовать после того, как мне объяснили, что я несвободный человек да к тому же отъявленный лжец?

Она задумчиво взглянула на него.

— Не обращайтесь особенно на слова Бодхисатвы внимания. Воспринимайте все, что тут происходит, как некую игру. Ведь он вам уже это объяснил.

— А вам не кажется, что игра уж какая-то больно серьезная. Я как-то привык к другим развлечениям.

— А это вовсе не развлечение, это игра. Между ними большая разница. Развлечение не обязательно может быть игрой, а игра — развлечением. А знаете, как бы скорее всего ответил на ваши слова Бодхисатва? Он бы сказал, что ваша серьезность — это обратная сторона вашей обидчивости. На самом деле ваша серьезность — это и есть вами придуманная постоянная игра, естественные люди не бывают серьезными. Он бы сказал, что ваше уязвленное самолюбие прикрывается серьезностью, как фиговым листом. Потому что если его сорвать, то вы останетесь одни на один с ним и тогда невольно поймете, что кроме него вами не двигают никакие иные мотивы.

— А как думаете вы?

— Я солидарна с ним в этом вопросе.

— Но если, как вы говорите, это игра, то какова моя в ней роль?

— Роль? — переспросила она, и дуги ее бровей удивленно приподнялись. — Но она полностью зависит от вас. Разве вы еще не поняли, что вы сами выбираете, по каким правилам будете играть. Тут все как в жизни. Вернее это и есть сама жизнь. Вы говорите про игру и не чувствуете волнения потому что вам кажется, что она не будет иметь для вас никаких последствий. Но это не так, в жизни каждый ваш поступок имеет свое продолжение. И скоро вы поймете, что на самом деле эта игра оказывает на вас значительно более сильное воздействие. Ведь между игрой и жизнью нет никаких перегородок, они одинаково реальны. Только многие это еще не понимают, поэтому им и кажется, что когда они играют, то находятся в абсолютной безопасности. Но достаточно одного лишнего оборота рулетки и вы можете стать в миг либо богачом либо бедняком. А мне ли вам объяснять разницу между этими двумя состояниями. — Ольга замолчала и достала из сумочки видеокассету. — Я пришла к вам для того, что дать вам вот это. Здесь заснят как раз тот момент, когда обсуждали меня. Я думаю, вам будет интересно послушать.

— Но каким образом им удастся собирать о нас столько сведений. И зачем?

— Не знаю, это действительно странно. Но ни Бодхисатва, ни Иванов не разглашают своих тайн. Да и это ли самое важное. Я полагаю, что придет момент — и мы все узнаем. И поверьте, это будет далеко не самым интересным из того, что тут происходит.

— А вам не хочется отсюда уехать?

— Нет, не хочется. Тут очень красиво, здесь есть великолепные бухточки, а совсем недалеко царский пляж.

— Почему царский?

— Потому что когда царь был в этих местах в гостях у князя Голицына, он там купался.

— Надеюсь не голышом.

Ольга рассмеялась.

— Полагаю, что нет. Хотя посмотреть на голого царя — мечта каждой женщины. Вы хотите еще что-нибудь узнать?

— Да, мне хочется спросить о том странном правиле, которая здесь существует, я имею в виду, что мужчина имеет право приглашать женщин на ночь. Это не шутка?

— Нет, у вас действительно есть такая возможность.

— И никто не может мне отказать?

— Никто.

— И если я приглашу вас, то вы пойдете?

— Пойду, я дала слово Бодхисатве, что свято

буду соблюдать это правило.

— А Жорж, вас не приглашает? — Этот вопрос дался Герману не просто, и он долго готовил себя прежде чем задать его. Но не спросить об этом он тоже не мог, уж слишком он его интересовал.

— Мы договорились с ним, что он не станет это делать без моего согласия.

— А вы его даете?

— Даю, когда я этого хочу. — Она произнесла эти спокойно и просто, как нечто само собой разумеющееся, и Герман почувствовал, как пронесся по его телу, несмотря на жару, неприятный холодок.

— А как будут складываться тогда наши отношения? — спросил он, затаив дыхание. — Ведь у меня тоже могут возникнуть такие желания.

— Это будет зависеть от вас. Я бы вам предложила тот же вариант. Но если вы хотите заполучить меня без моего согласия, то можете сделать это в любое время дня и ночи.

— Что ж, я подумаю, — рассмеялся Герман. Ольга ему нравилась все больше и больше, причем, это чувство прибывало в нем стремительно, как вода в самый пик половодья.

— Пойду, прилягу, — сказала Ольга. — Эта жара меня оставляет абсолютно без сил. Кстати, вы еще не общались с Бодхисатвой. А он вас ждал с нетерпением.

— Если быть честным, то я этого как-то не заметил.

Ольга задумчиво посмотрела на своего собеседника.

— Вы зря так думаете, он действительно вас ждал, хотя я даже не совсем понимаю, для чего вы ему так нужны. И очень беспокоился, что вас что-то может задержать или помешать совсем приехать. Так что я не сомневаюсь, что он с вами поговорит в самое ближайшее время.

Едва Ольга скрылась в доме, как Герман помчался туда вслед за ней. Ворвавшись в свою комнату, он сразу же вставил кассету в видеомэгнитофон.

На экране высветился знакомый Герману зал, те же самые персоны в том же самом порядке сидели за столом. Не хватало только его, Германа, чтобы картина была точно такой же, как и вчера. Но самое удивительное заключалось в том, что на том самом месте, которое отныне уготовано занимать ему, стояла таблички с лаконичной надписью «Герман». Когда же все это снималось, Ольга ничего не сказала ему об этом. Но получается, что они уже тогда знали, что он обязательно появится здесь. Он не знал, а они знали — любопытная вырисовывается картина. Он вдруг вспомнил слова Ольги о том, что в этой игре он сам выбирает свою роль. В таком случае сейчас он станет

наблюдателем и неважно то, что хотели они ему сказать, заставив камеру надолго зависнуть возле табличке с его именем. Внезапно Герман даже ощутил что-то похожее на азарт; раз они предлагают ему сыграть по их правилам, то он постарается противопоставить им свои правила. В этот момент он услышал столь уже хорошо знакомый ему голос Иванова.

«Если бы меня попросили сказать о самой главной черте всеми нами горячо обожаемой Ольги Владимировны, то я бы прежде всего отметил, что мы имеем дело с богато одаренной натурой. Что особенно замечательно в ней, так это то, что она талантлива во всем: она прекрасный врач, заботливая мать, искусная любовница. Кроме того, она хорошо разбирается в музыке и сама великолепно играет на пианино, она тонкий знаток и ценитель поэзии. Однако все эти великолепные черты развились на мрачном фоне сильного комплекса неполноценности. Думаю, что во многом свое гипертрофированное развитие он получил еще в детстве; будучи старшей сестрой она много внимания уделяла своему брату. Тоже самое делали и родители, и ей доставались лишь остатки ласки и внимания. Она ощущала себя обделенной, ей казалось, что она хуже своего братика, раз находится на вторых ролях и завидовала ему. У нее стало закрепляться чувство, что она в чем-то

уступает мальчику, что она неполноценна. Иначе, как можно объяснить то, что ею пренебрегают. Это, естественно, порождало неуверенность, которая усиливалась еще и благодаря тому, что ее мать считала, что она не должна выделяться по сравнению с другими детьми. Поэтому ее одевали крайне скромно, хуже многих подруг, что только увеличивало ее стеснение. Этот сформировавшийся в раннем возрасте взгляд на себя, как на существо чуть ли не ущербное, в дальнейшие годы стал выражаться в том, что где бы она не находилась, с кем бы не общалось подсознательно она всегда чувствовала себя неуверенно, хуже других. Причем, все это происходило одновременно с тем, что в реальной действительности благодаря своим незаурядным способностям она обычно превосходила своих собеседников. Но страх, что она изначально уступает им, что говорит глупости, что делает что-то не так не давал ей возможности для объективной самооценки. Чтобы чувствовать себя хоть как-то защищенной, она стала формировать определенное отношение к окружающей действительности, она начала как бы выстраивать вокруг себя форпосты обороны внутреннего мира. Так любое критическое замечание в свой адрес она отвергала с порога, пыталась уверить себя и других, что это на самом деле они говорят о себе. Конечно, такая практика

позволяла отчасти сохранять внутреннее спокойствие, но в глубине души она понимала, что лукавит сама с собой. Иногда у нее возникало желание что-то изменить в себе, выбраться из своего купона, куда заточила сама себя. Однако сделать она это оказалась не в состоянии, ибо боялась, что в этом случае она просто потеряет себя. В итоге многие важные решения своей жизни она была вынуждена принимать по упрощенной схеме из-за опасения, что ее оборонительные сооружения могут не сдержать натиск атак жизненных обстоятельств. Это вело к неуклонному ослаблению стремлений к творческому развитию, ибо любое истинное творчество — это всегда выход за установленные и обжитые пределы своего я в неизвестное. Ну а чтобы эта мысль не смущало ее ум, она стала все чаще повторять себе и другим, что она творческий человек, хотя на самом деле она превратилась в полную противоположность того человека, которого хотела видеть в себе, став типичным примером антитворческой личностью.

Такая психологическая установка самым прямым образом сказалась на ее отношениях с мужчинами. Хотя Ольга в высшей степени привлекательная женщина — и она всегда знала об этом — внутренние ее ощущения не подтверждали этот факт, неуверенность в своих женских чарах сковывали все ее действия. Ее угнетало и то, что

она никак не могла ни потерять свою девственность, ни выйти замуж. Поэтому внутренне она была готова пойти за любым, кто позовет ее, определяя свой выбор не голосом сердца, а звучащему в ней голосом страха перед неудачей в этом вопросе. В результате у нее было несколько романов с людьми, к которым она не могла испытывать никаких серьезных чувств. Эти закономерные неудачи только усилили в ней убеждение в своей женской неполноценности. И она решила, что отдаст свою руку и сердце любому, кто первым попросит ее об этом. Так и случилось. Стоит ли говорить, что никакой настоящей любви к своему избраннику она не питала, но он удовлетворял определенному минимуму ее претензий к мужчине, что позволяло ей внешне считать свой брак вполне приемлемым. Поэтому закономерно, что такой союз оказался недолговечным и через три года они расстались, и Ольга одна стала воспитывать сына. Впрочем, не могу не указать на еще одну причину развода. Из-за того, что она не любила мужа, она проявляла холодность в их сексуальных отношениях, что вызывало у него законное недовольство. Ее же собственная сексуальная потребность была весьма солидной, но из-за вышеназванных причин она никак не могла ее реализовать и внутренне подавлялась. Привело же это к тому, что после разрыва с супругом у нее вдруг пробудился

повышенный интерес к мужчинам. Начался период случайных связей, что не могло не привести к новому витку неуверенности и разочарования в себе и в жизни. В конце концов она однажды ясно поняла, что оказалась в тупике и перед ней возник выбор: либо менять жизненные установки либо продолжать катиться по той же дороге к окончательному краху. К чести Ольги она избрала первый путь. Поэтому ничего удивительного, что дальнейший свой рассказ я продолжаю с еще более возросшей к ней симпатии. Как истинный философ, она начала с переоценки всех ценностей, подвергла беспощадной ревизии все свои принципы и привычки. Все это потребовало от нее больших усилий, потому что пришлось отказаться от многих самооценок, так сказать предстать перед самим собой в обнаженном виде. Но зато она постигла ту истину, что ее творческий и человеческий потенциал оказался раздавленным созданными же ей представлениями, что она давно никуда не движется, а лишь имитирует движение. Однако, как оказалось, что за это время она во многом утратило способность к саморазвитию, путь вперед оказался забаррикадированным ее прошлым, истинную суть которого она хотя и осознано, но которое от этого еще никуда не исчезло. Разразился кризис, некоторое время ее даже преследовала мысль о том, чтобы порвать с этим миром и уйти в монастырь.

Она понимала, что потерпела поражение, но не могла ни на что решиться. Участь монахини страшила ее не меньше, чем продолжение ее тогдашнего бессмысленного существования. Постриг она не приняла, но с той поры у нее остался интерес к мистической и эзотерической литературе. Так как чувствую, что уже утомил вас своим повествованием, то буду дальше краток. Она все же нашла в себе силы переломить себя и начать новый поиск своего внутреннего и внешнего образов.

В заключении хотел бы дать общую характеристику нашей прелестной Ольги. В ее лице мы имеем дело с одной стороны с человеком очень искренним, с другой — склонным к самообману. А тот, кто склонен к самообману независимо от своих желаний обманывает и других. Но искренность играет с ней и другую шутку, она начинает верить в порожденные ею же иллюзии. Это приводит к тому, что она постоянно занята тем, что разбирается с создаваемыми ею же проблемами. В ее жизни огромную роль играют различного рода сублимации; обладая сильной сексуальной потребностью, она долгое время не могла ее по-настоящему удовлетворить. Поэтому она была вынуждена прибегать к самым разным замещениям. Это привело к тому, что у нее развилась некоторая эксцентричность. Но после того как она избавилась

от многих своих комплексов, эта невостребованная сила дала мощный толчок для высвобождения продуктивной энергии.

Хочу обратить ваше внимание на еще одну ее нынешнюю особенность: в сексе для нее много значит не только физическое удовлетворение, но и достижение душевной гармонии с партнером. Ей кажется, что их частная смена обусловлена неутоленностью ее желаний, на самом деле она связана с тем, что Ольга никак не может отыскать того, кто бы удовлетворил ее духовные потребности.»

Пленка закончилась, и Герман выключил видеомэагнитофон. Да, любопытный портрет Ольги нарисовал этот доморощенный Фрейд. Но вот с какой целью она дала ему кассету? Вряд ли только исключительно с целью его утешить, для того, чтобы он не чувствовал себя обиженным. У него такое ощущение, что она ему хочет еще что-то сказать, о чем-то предупредить, заставить о чем-то задуматься. Но вот насколько все, что он только что слышал и видел, соответствует действительности? А может она стремится таким вот необычным образом облегчить ему поиск ключа к ее душе? Что ж, если это так, то он готов принять ее вызов. Ему захотелось немедленно увидеться с ней и обсудить все, чему он стал свидетелем. Но он вспомнил, что она сказала, что собирается отдохнуть. Так что

придется отложить разговор.

Герман лег на кровать, через открытое окно в комнату проникал жаркий солнечный южный день. Было душно, и Герман включил вентилятор. Прохладные потоки воздуха ласково освежали его лицо. И он вдруг ощутил, что ему сейчас хорошо. Рядом плескается теплое и доступное словно любимая женщина море, воздух насыщен ароматом цветов и главное его поджидает, может быть, самое замечательное в его жизни любовное приключение. И все это не считая того, что он находится в гостях у одного из самых известных писателей мира. И если он не воспользуется выпавшим ему шансом, то он будет просто дураком. И последняя мысль, что прочертила след в его сознании прежде чем его веки окончательно смежились, была о том, что самое лучшее и интересное в его жизни только-только начинается.

Герман обрядился во фрак и спустился в зал, где проходили вечерние трапезы. Стол еще не был полностью накрыт, и вся компания словно вода хоровод, с бокалами в руках кружилась вокруг него. Глаза Германа невольно сразу же отыскивали Ольгу; она была в черном строгом без всяких украшений вечернем платье, которое точно воспроизводило все очертания ее великолепной фигуры. Аня и Жены были одеты по проще; на них были одинаковые темно-синие костюмы, на которых словно медали

поблескивали золотые пуговицы.

«Светское общество конца двадцатого века, аристократический салон Марка Шнейдера, — подумал он. — Интересно, кто их всех обшивает. И во сколько обходится Марку Шнейдеру вся эта нелепая затея с ежевечерними балами-маскарадами?»

К нему, широко улыбаясь, подошел Жорж. Он него сильно разило только что выпитым вином. По-видимому, бокал, который он крепко сжимал своим могучим кулаком, был далеко не первый.

— Как ты провел свой первый денек здесь? — довольно развязно поинтересовался он.

— Замечательно, — не стал уточнять Герман.

— А я думал, что ты немедленно захочешь отсюда сбежать, — рассмеялся Жорж.

— Почему я должен бежать. Здесь так великолепно. Я давно не видел такого красивого места. Да и наш массовик-затейник, — кивнул он на Иванова, — скучать не дает, все время какие-нибудь сюрпризы. Чем не отличный отдых. Даже лучше, чем по профсоюзной путевке. Ты-то почему не сбежал?

— А мне на все начхать. Если им нравится развлекаться таким образом, пусть развлекаются. Мне до этого нет никакого дела. Я такой, какой есть, и мне глубоко безразлично, если кому-то это не нравится.

— Но зачем Марку Шнейдеру нужен такой человек, как ты.

— А почему я знаю. Я тоже вначале задавал себе такой вопрос, а потом мне это просто перестало интересовать. Смысл в том, чтобы не искать ни в чем смысла. Когда Бодхисатва впервые мне сказал об этом, я поначалу не понял его. А потом, пораскинул мозгами и ухватил, что это как раз то, что мне и нужно. Я стал окончательно свободным. Какая попка! — вдруг почти простонал Жорж и хлопнул фланирующую мимо них Аню как раз по тому месту, которым он только что восхищался. Герман невольно огляделся вокруг; хотя зычный голос Жоржа ракетой облетел весь зал, но казалось, что никто не обратил внимание на его восклицание, все продолжали заниматься своими делами.

— Я каждый день занимаюсь с одной из них любовью, — понизил до шепота голос Жорж. — Бодхисатва в одном молодец, придумал замечательное правило, только ради этого сюда стоило приезжать и терпеть всю ту галиматью, что тут происходит. Замечательные девочки, обе мастерицы своего дела. Когда я сюда приехал, то они еще немного тушевались. А сейчас вошли во вкус. Вчера я спал с Женей, она обожает минет. Но я тебе советую начать с Ани, она более разнообразна в ласках. Сегодня я собирался

потрахать как раз ее, но если ты хочешь, я могу тебе ее уступить. Я даже подумывал не сделать ли мне маленький перерывчик, я кажется, слегка переусердствовал.

Он действительно похож на породистого жеребца, думал Герман, наблюдая за Жоржем. Тот стоял уже рядом с Ольгой, обнимая ее за плечи своей могучей рукой, и что-то шептал ей на ухо. Впрочем, более всего Германа сейчас волновало другое; рассказы Жоржа о своих сексуальных подвигах разбудили в нем сильное желание, давно ему так не хотелось женщину, как в этот момент. Он должен преодолеть себя и воспользоваться этим в самом деле замечательным правилом, о котором мечтает, наверное, каждый мужчина. Он внимательно посмотрел на девушек. Жорж прав, они действительно обе хороши, но, пожалуй, Женя возбуждает его больше, чем ее подружка. Хотя в Ане ощущается подлинный темперамент, пламя, которое не видно, но которое горит, что-то немного отталкивает его от нее. У него такое ощущение, что в ней переизбыток нервной энергии и что она при определенных обстоятельствах не вполне владеет собой. А вот в Жене чувствуется какая-то пассивность и даже некоторая вялость, но в тоже время ему кажется, что она более нежная и ласковая. Хотя будет лучше всего, если он убедится в своих предположениях на практике.

Он почувствовал на себе чей-то взгляд, Герман поднял голову и встретился с глазами Ольги. И почему-то ему сразу же стало немного не по себе; уж не догадывается ли она об его планах. Интересно, как она отнесется к его инициативе, если он пригласит на ночь Женю? Ведь он почти не сомневается, что между ними началось пока еле заметное сближение; такие вещи он всегда хорошо чувствует. Внезапно Герман ощутил раздражение оттого, что попал в двусмысленное положение; мечтает об одной женщине, а собирается переспать с другой.

— Прошу садиться, господа, — громко сказал Марк Шнейдер. — Стол накрыт.

Все дружно уселись и набросились на еду; долгое ожидание разожгло у всех аппетит. Герман с удовольствием поглощал подаваемые ему блюда, на время забыв даже о своих сексуальных мечтаниях, как вдруг услышал голос Марка Шнейдера:

— Никита Петрович, что же вы нам не расскажите о том, как прошел первый день у нашего дорого гостя.

От неожиданности Герман даже поперхнулся. Опять все начинается, с тоской подумал он. А он только-только начал успокаиваться. Неужели эти обсуждения входят в ежедневное меню ужина и являются дежурными блюдами?

— С удовольствием поведаю вам,

Бодхисаттва, и всем собравшимся об этом, — проговорил Иванов. — Мне кажется, что Герман Эдуардович в целом остался доволен проведенным днем. Хотя утром он и столкнулся с некоторыми проблемами.

— Неужели это произошло из-за всех этих мелочей с раздеванием на пляже? — разыгрывал удивление Марк Шнейдер.

— Видите ли в чем дело, — вкрадчиво заструился над столом голос Иванова, — утром он отправился на море и обнаружил, что берег разделен на два пляжа — на нудистский и обычный. Стоит ли говорить, что ему хотелось позагорать среди нудистов, тем более там находились наши замечательные девушки само собой разумеется, в совершенно обнаженном виде, а Герману Эдуардовичу просто невероятно хотелось разглядеть их подетальнее. Так что искушение раздеться до гола было велико. Но тут возникли трудности. Во-первых, ситуация была неожиданной, и он к ней не подготовился. Тем более раньше он никогда не бывал на нудистских пляжах; и вот так сразу снять с себя всю одежду оказалось не так-то легко. Ведь для того, чтобы это сделать, необходимо преодолеть в сознании определенное барьеры, а перескочить их сразу он не смог. Поэтому он начал сердиться не себя, не на свою зависимость от общественных предрассудков,

а на тех, кто поставил его перед такой дилеммой. Но затем у него заработали компенсаторные механизмы; он должен был как-то оправдать себя за то, что не может с ходу справиться с этой ситуацией.

Поэтому он стал уверять себе, что вполне способен предстать обнаженным перед публикой, но так как от него добиваются именно это, он ни за что не поддастся чужому давлению и так не поступит, а будет в одиночестве лежать на песке в классическом пляжном одеянии. Что он и сделал.

— А как ты думаешь, Никита Петрович, завтра утром он уже сможет снять плавки? — спросил Марк Шнейдер. — Насколько я понимаю, все это время он только и делал, что себя готовил к этому героическому поступку.

— Насчет завтра полностью не уверен, а вот через пару дней — не сомневаюсь. Тут нужна определенная подготовка, и его сознание, как вы только что верно заметили, активно занято ею. Но не так-то легко переступить через привычные установки.

— А как ты полагаешь, что его больше всего беспокоит в данную минуту? Ты мне обещал понаблюдать за ним и нам рассказать.

— По моим наблюдениям он занят решением вопроса, как бы ему пригласить нашу очаровательную Аню или не менее восхитительную

Женю к себе на ночь. Здесь он сталкивается практически с той же проблемой, так как решится сделать это открыто для него пока непривычно.

— И чем это сегодня закончится?

— Думаю, он все же сделает предложение, уж больно велик соблазн.

— Герман, мой вам совет, если хотите женщину, то не сомневайтесь, приглашайте любую. Что может быть естественней того, чтобы переспать с красивой женщиной. Все, что вы думаете и чувствуете по этому поводу, не более чем предрассудки. Самое лучшее, что вы можете сделать в этой ситуации — послать их к черту.

— Я так и сделаю, — сказал Герман. К своему удивлению после последних слов Марка Шнейдера он почувствовал некоторое облегчение. Впрочем, сегодняшнее выступление Иванова он воспринял не столь остро, как предыдущее, судя по всему, у него начался процесс адаптации к подобным вещам.

После очередного психологического спитча Иванова разговор за столом как-то рассеялся на отдельные фрагменты. О чем-то шушукались Женя и Аня, но Германа больше интересовала другая пара — он видел, как Жорж в чем-то активно убеждал Ольгу, которая благосклонно внимала его, судя по выражению лица мужчины-красавца, плотоядным речам. Мысль, что прямо на глазах у всех они быть может договариваются о том, чтобы

провести ночь вместе, не давала Герману ни секунды покоя.

Ужин завершился, Герман собрался уже возвратиться в комнату, как к нему подошел Иванов.

— С вами хочет поговорить Бодхисаттва, — сказал он.

Герман почувствовал волнение, может быть наступает та самая решающая минута, ради которой он и прибыл сюда. И уж в крайнем случае он знает, что означает все эти странные разыгрываемые тут спектакли.

Герман вошел в кабинет Марка Шнейдера и с любопытством стал осматриваться вокруг. Стены были сплошь увешены картинами, причем самыми разными: от классических пейзажей до каких-то сверхсюрреалистических полотен, постигнуть даже отдаленный смысл которых показалось Герману совершенно невыполнимым делом. В комнате стояли также несколько массивных книжных шкафов, и Герману захотелось посмотреть, какие книги сопровождают Марка Шнейдера по жизни. Сам же Марк Шнейдер сидел за большим письменным столом, на котором стоял компьютер.

Несколько мгновений они изучающе смотрели друг на друга. Герман испытывал по отношению к этому человеку с одной стороны огромный интерес, с другой — раздражение. Он несколько не

сомневался, что все эти странные события, которые окружали его едва он переступил порог этого дома, дело рук Марка Шнейдера. Вернее все началось даже раньше, еще в Москве, когда в дом Германа вторгся этот странный его посланник, совмещающий в одном лице Пинкертон и Фрейда — Иванов.

Они продолжали все также молча смотреть друг на друга, словно не решаясь начать разговор. И Герман вдруг почувствовал себя униженным; что за странный прием, сам пригласил его, но при этом не выказывает никакого желания с ним разговаривать. Если через 30 секунд Марк Шнейдер ничего не скажет, то он, Герман, повернется и уйдет.

— Садитесь, вы, наверное, устали стоять, — услышал Герман насмешливый голос Марка Шнейдера. — Что вы думаете обо всем этом?

— О чем обо всем, нельзя ли уточнить, Марк Исаакович.

На лице Марка Шнейдера появилась недовольная гримаса.

— Зовите меня как все — Бодхисатва. В этом доме — это мое официальное имя. Вам оно не нравится?

— Да нет, только как-то не совсем понятно, какой в него вкладывается смысл?

— А самый прямой. Бодхисатва — это

человек, который вплотную подошел к просветлению. Это еще не Будда, но уже и не простой смертный. Ему остается сделать только последний скачок, чтобы обрести новое состояние.

— И я так понимаю, что вы его еще не сделали.

— Все дело в том, что последний шаг — самый трудный. Чтобы его сделать, Бодхисатве необходимо удовлетворять трем условиям: в течение всех своих бесчисленных перевоплощений он должен высказывать неуклонное желание стать Буддой, он должен встретиться с самим Буддой и получить от него предсказание, что он им когда-нибудь станет. И, кроме того, во всех своих воплощениях он обязан обладать целым набором добродетелей: заниматься благотворительностью, быть нравственным, мудрым, энергичным, терпеливым, проявлять любовь к истине, обладать твердостью в намерениях, быть дружелюбным, хладнокровным и готовым в любой момент отречься от мира.

— Так вы буддист? Я об этом ничего не знал, ни в одной вашей биографии нет упоминаний об этом факте.

— Я — тоже ничего не знал о том, что являюсь буддистом до того счастливого момента, когда вы открыли мне это важное обстоятельство. Надо подумать, может, в самом деле, им стать. Тем